

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

ОРГАН
ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

О работе союза писателей

Новые формы работы и руководства, вызванные к жизни Сталинской Конституцией, должны быть хорошенько продуманы и осуществлены союзом советских писателей.

Методы, какими до сих пор пытаются руководить литературой товарищи, стоящие во главе нашего союза, недостаточно демократичны. Они, в сущности, бюрократичны.

Многие мероприятия, проводимые союзом писателей, мероприятия, по существу здоровые и жизненные, очень часто превращаются в прямую свою противоположность из-за неумелого и отчаивающего неуклюжим администрированием способом их осуществления.

Как хорошо, например, когда молодой писатель находит помощь и поддержку в беседе с более опытным и умелым своим товарищем. Но в какую трагикомедию превращаются такие взаимоотношения, когда молодой писатель вызывается официальной повесткой к другому, более пожилому, книги которого ему не нравятся с детства и творческой беседе с которым ему приходится ждать часами в грязноватом и шумном учрежденском коридоре союза.

Как хорошо, когда писатель занят общественными делами, когда он переносится с читателями, с товарищами, участвует в работе избирательных комиссий, наряду с профессорами, рабочими и инженерами. И как глупо, когда ему отводится за фанерной перегородкой письменный стол с непрерывно звонящим на нем телефоном и когда перед дверью со стеклянной табличкой в его «кабинет» дежурит строгая и нервная секретарша и переминается с ноги на ногу очередь посетителей.

Как хорошо, когда литература рождается в страстных спорах между авторами по-разному написанными книг. И как смешно заключать такие споры в рамки строго официальных заседаний всяких бюро, секретариатов, секций, президиумов, комитетов и подкомитетов и начинать их «ступительными словами», уволными разговорами далеко от литературы, в дебрях «литературоведческой» схоластики или административных нововведений.

Как, наконец, хорошо, что советское государство окружает литературу заботой и вниманием, делающими труд писателя радостным делом чести. Но как плохо, что аппарат, которому принадлежит эта забота и внимание практически осуществляет, превращаясь в громадное учреждение, где подшиваются бумаги, накладываются резолюции, составляются ведомости, — в учреждение, стоящее огромных денег, но слишком сложное и занятое самими собой, чтобы оказывать литературе реальную помощь.

Руководство литературой должно осуществляться в форме умно и литературно написанных статей, в которых, называя книгу плохой, автор считает своим долгом доказать, что она плохая, и, даже хваля книгу, не освобождает себя от обязанности мотивировать свое утверждение.

В этом смысле руководство союза писателей шло по линии наименьшего сопротивления. Нет ничего проще, чем выйти на трибуну конференц-зала и ласково глядя на аудиторию, сообщить ей, что книга писателя такого-то «крепкая книга». — «Крепкая книга, товарищи!» Или же с тем же равнодушием ласковым взглядом сообщить той же аудитории: «Слабую книгу написал товарищ такой-то! Слабоватую, недостаточно хорошую книгу!»

Между тем проходило время, как говорится, шло года и «крепкая, наша книга» оказывалась скверной, а иногда и враждебной книгой. А «слабая книга» находила признание партии, народа. Мы говорили обо всем этом не для того, чтобы лишний раз упрекнуть руководство союза писателей в тех ошибках, в которых оно неоднократно уже признавалось, и снова повторить неприятные факты о поддержке и возвышении Ерипнова, Минкевича, Серебрякова, Колбасьева. Мы вспоминали об этом лишь потому, что самый способ руководства, нежелая, бюрократический способ, который приводил к положительным и неправильным оценкам, остался неизменным. Руководство попрежнему осуществлялось у нас при помощи знитетов, бранных всякзем иногда при помощи двух-трех слов, сказанных вчера и позавчера.

Былых сегодня, а завтра погребенных в ворохе резолюций и стенограмм с последующими розысками формулировок и разноречивым толкованием их. Попробуем далека эта административная деятельность от методов, какими руководили литературой Белинский, Добролюбов, Чернышевский, какими руководит литературой партия и какими должен был бы осуществлять свое руководство союз писателей. Пушкина писал статьи и рецензии в тех случаях, когда считал необходимым вмешаться в ход литературных событий, вокруг него совершавшихся. Именно так руководил литературой до самой своей смерти Максим Горький. Делают ли это руководители нашей литературы — В. Ставский, Гасем Жахути, Всеволод Иванов? А ведь у них есть все возможности для того, чтобы руководить литературой литературными методами. Кто им в этом мешает? Ведь не могут же они жаловаться на недостаток бумаги, чернил и пишущих машинок!

Протекший год был для литературы, как и для всей жизни нашей страны, годом великого очищения. Но борьба еще не окончена. Еще много усилий, ума и бдительности понадобится для того, чтобы очистить литературные ряды от троцкистско-бухаринской фашистской агентуры. Для этого необходимо превратить союз писателей в живую, подлинно демократическую организацию.

Демократизм пронизывает все важнейшие участки производственной и общественной жизни страны.

Могущественное воздействие народа, в развернутой форме осуществляющего свою власть в стране, скажется во всех областях ее жизни, и в стране возникнут новые, доселе неведомые формы труда и человеческих взаимоотношений, новое, невиданное отношение человека к работе, борьбе, политике, искусству и науке.

Руководство союза писателей не готово к решительному повороту, какой производится в литературе народ, овладевший культурой и умением работать с искусством управлять государством.

Советский писатель — это депутат народа в литературу. К нему в полной мере относятся слова товарища Сталина, сказанные им о депутатах в Верховном Совете.

«Депутат должен знать, что он слуга народа, его посланец в Верховный Совет и он должен вести себя по линии, по которой ему дан наказ народом. Сверхсуд с дороги, набирающие имеют право потребовать назначения новых выборов, и депутата, свергнувшего с дороги, они имеют право прокатить на воронках (смех, аплодисменты). Это замечательный закон. Мой совет, совет кандидата в депутаты своим избирателям, помнить об этом праве избирателей, — о праве досрочного отзыва депутатов, следить за своими депутатами, контролировать их и, ежели они задумают свернуть с правильной дороги, смануть их с плеч, потребовать назначения новых выборов».

Завоевать любовь читателя и его доверие в нашей стране и в наше время труднее, чем когда бы то ни было. Слишком велик и труден путь, пройденный нашими читателями за последние годы, слишком требовательно его отношение к своей работе и работе своих товарищей, чтобы можно было жалеть от него поблажек литературе, ставшей у нас предметом первой необходимости и широчайшего потребления.

И чем больше требования предъявляет читатель к литератору, тем больше требования предъявляет и будет предъявлять литератор к своему союзу.

В последнее время, в связи со статьями в «Правде», «Комсомольской правде» и «Литературной газете», в литературных кругах ведется много разговоров о положении в союзе. Иные горячие головы договариваются до того, что, дескать, вообще никакого союза не надо. Ведь это несерьезно, товарищи! Союз нам нужен. Быть может речь пойдет о каких-либо изменениях в организационной форме союза.

«Литературная газета» призывает товарищей писателей высказаться о том, каким они хотели бы видеть союз писателей. В чем они видят основные его недостатки? И как представляют себе дальнейшие пути его развития?

Пленум союза советских писателей Украины

(От нашего корреспондента)

На днях состоялся пленум союза советских писателей Украины с участием представителей областных организаций.

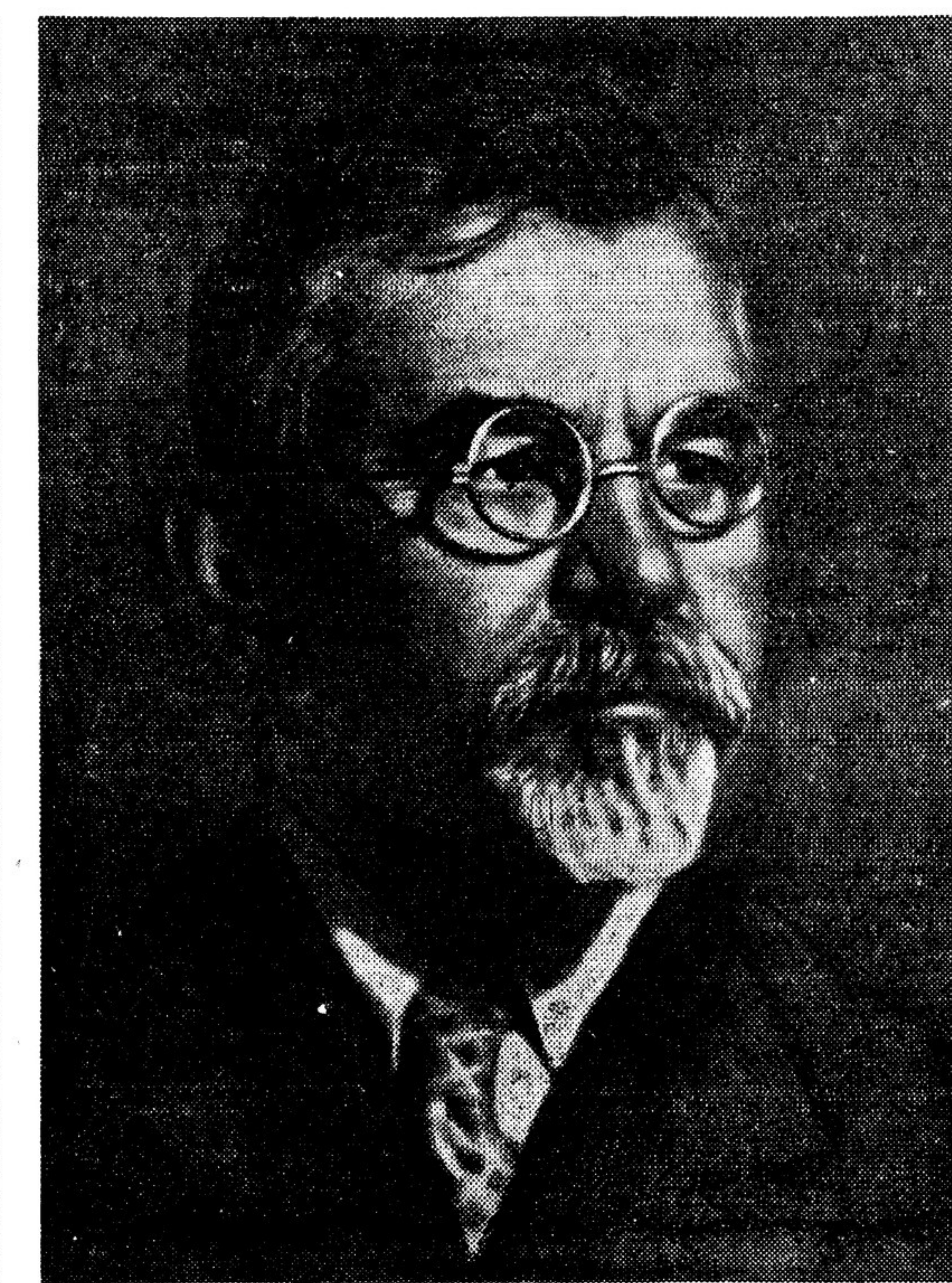
Присутствовали на пленуме писатели выступили с резкой критикой недочетов работы правления. Особенно резко критиковали писатели орган союза советских писателей Украины — «Литературную газету» за ее беззаботность и беспринципность в оценке литературных явлений.

Диссонансом в этом смысле прозвучало на пленуме выступление тов. Киряленко. Против справедливого критики руководства союза советских писателей Украины тов. Киряленко выдвинул удивительный аргумент, что, мол, критику надо отложить до предстоящего общего собрания писателей.

Очевидно, не без основания боится критики тов. Киряленко.

Правление избрало новый состав редколлегии «Литературной газеты» и журнала «Радянська Література». Решено приступить к изданию двухнедельного критического журнала и возобновить издание русского литературного журнала «Советская литература». Журнал еврейских писателей переименовать из «Форпост» в «Советские литературы».

Набрана комиссия для проведения предстоящих в текущем году юбилеев Леси Украинки, М. Коцюбинского, И. Котляревского. В этом году будет также праздноваться 125-летний юбилей срада рождения великого украинского поэта Т. Г. Шевченко.

Григорий Иванович Петровский

Товарищу ГРИГОРИЮ ИВАНОВИЧУ ПЕТРОВСКОМУ

Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР в день Вашего шестидесятилетия шлет Вам, — старому большевику из гвардии Ленина — свой горячий привет.

Свыше 40 лет своей жизни Вы отдали делу рабочего класса и крестьянства. Ваша большевистская работа в подполье и в Государственной Думе, Ваша преданность партии Ленина—Сталина и постоянная связь и общение с широкими массами рабочих и крестьян, Ваш большой жизненный опыт и долголетняя работа на посту Председателя ЦИК Украинской ССР — завоевали Вам доверие и уважение широких народных масс Советского Союза.

Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР желают Вам еще на долгие годы сохранить здоровье и бодрость для дальнейшей плодотворной работы на благо украинского народа и народов всего Советского Союза.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б).
СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР.

ПРИВЕТСТВИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ТОВ. ПЕТРОВСКОМУ Г. И., В СВЯЗИ С ЕГО ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЕМ

Дорогой Григорий Иванович!

В день Вашего 60-летия Президиум Верховного Совета СССР шлет Вам горячий привет.

Более сорока лет Вашей жизни прошли в неустанный борьбе за дело партии Ленина—Сталина. Ваша жизнь борца-революционера, жизнь государственного деятеля всегда была наполнена неутомимой энергией большевика, отдающего все свои силы на благо народа.

Президиум Верховного Совета СССР желает Вам многих-многих лет плодотворной работы на пользу социалистической родины.

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР.

ПУТЬ БОЛЬШЕВИКА

Г. И. Петровский родился 4 февраля 1878 года в Харькове. Трех лет он лишился отца. В семье Петровского воцарилась тяжелая нужда. Мать Петровского, пробиравшаясь кое-как поденной работой, не могла дать образования сыну. Только два с половиной года прочел он в школе и был исключен за неуплату денег за право учения.

Молодой Петровский поступил затем на работу в мастерские Курско-Харьковского Севастопольской железной дороги, вблизи Харькова, где получал за работу 20 коп. в день. Но вскоре был уволен за жалобу на издевательства мастера.

Тов. Петровский решил перейти из Харькова в Екатеринослав (Днепропетровск). В Екатеринославе ему удалось устроиться сначала учеником в мастерских Екатеринославской ж. д., а затем на Брянском заводе (ныне завод им. Петровского) с заработком в 35 коп. в день.

В 1897 году в Екатеринослав была со-слана группа петербургских рабочих-революционеров. Г. И. Петровский сблизился с ними. Они помогают ему осознать революционные задачи пролетариата. Он вступает в революционное движение и вступает в ряды РСДРП.

Летом 1898 года на Брянском заводе возникла забастовка, в которой Григорий Иванович принял активное участие. Через некоторое время Г. Петровский переезжает в Харьков. Он работает там на паровозостроительном заводе. Затем уходит в Николаев, где вместе с другими товарищами ведет большую революционную работу, организует рабочие кружки. За участие в забастовке летом 1900 года царские власти выслали Г. Петровского из Николаева в Екатеринослав. Здесь Г. Петровский связывается с местной с.д. организацией и с головой уходит в революционную работу. В середине лета полиция арестовывает Г. Петровского. Год держат его в тюрьме, в одиночной камере.

После выхода из тюрьмы Г. И. Петровский переезжает в Донбасс. Два с половиной года он работает на шахтах. В 1903 году его снова арестовывают, и он отбывает шестимесячное тюремное заключение.

После освобождения на работу в Екатеринослав, где его и застала революция 1905 года. Он один из активных участников революционных событий на Украине, один из руководителей баррикадных боев в Екатеринославе, член стачечного комитета, участвует в создании первого Совета депутатов.

После подавления революции 1905 года репрессии царского правительства заставили Г. Петровского скрываться. Он уезжает на некоторое время за границу. Но вскоре снова возвращается в Россию и поселяется в Мариуполе, где продолжает вести революционную работу, несмотря на жестокие преследования царской полиции.

В 1912 году избирается IV Государственной Думе.

В ноябре 1914 года царское правительство арестовывает думскую фракцию большевиков и высылают в Восточную Сибирь на поселение Г. И. Петровский сослан в Туруханск. Здесь он пробыл год, а затем выслали в Средне-Колымск, Якутской области. В Якутске его застает февральская революция 1917 г.

После Октябрьского переворота Г. И. Петровский назначается народным комиссаром внутренних дел РСФСР.

В 1919 году украинский съезд советов избирает Г. Петровского председателем Центрального Исполнительного Комитета УССР. В 1922 году Г. Петровский избирается также председателем Центрального Исполнительного Комитета СССР.

На IX Съезде ВКП(б), в 1920 г. Г. И. Петровский избирается кандидатом в члены ЦК и на X съезде — членом ЦК ВКП(б).

После XIV съезда партии, в 1926 г. Г. Петровский — кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Тов. Петровский является также членом Политбюро ЦК ВКП(б). В декабре 1937 года трудящиеся Днепропетровского избирательного округа избирают Г. И. Петровского депутатом в Верховный Совет СССР. На первой Сессии Верховного Совета тов. Петровский избран заместителем председателя Президиума Верховного Совета.

Таков революционный путь Г. И. Петровского.

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Ник. ПОГОДИН

ДЖИОКОНДА

Комедия в 3 действиях и 7 картинах

Глубокое личное счастье, веселье, радость — вот основное звучание последней пьесы Николая Погодина.

Колхозники, вчерашние батраки и сегодня знаменитые люди страны, отдыхают в своем доме отдыха. Это само по себе новое явление, возможное только в стране победившего социализма, является прекрасным сценическим положением. Но главное не в этом. У людей не было молодости, и вот под действием среды, обстановки, новой культуры колхозного строя молодость возвращается. Назар Середа, упрямый вдовец, бобыль, хмурый, недоверчивый казак, — полюбил. Это произошло с ним впервые в жизни. Ему это «непривычно». У него устанавливается своеобразная дружба с изображением Монины Лизы Леонарда да Винчи. Он, как юноша, влюбляется в живую Джиоконду, женщину, живущую рядом с ним.

Ефим мучается «страшным» для него вопросом — «может ли он доктора полюбить?» — врача-девушку Ксению Алексеевну, т. е. имеет ли право мечтать о таком союзе. Оказывается, сама жизнь давно решила вопрос в пользу молодого человека, колхозника Ефима. Это — вторая линия пьесы.

Старик Коршун и Марина, люди большого жизненного опыта, соединяют и обобщают эти две линии.

В пьесе действуют гости, приехавшие из республиканской Испании и, как люди близкие нашим героям, интимно и дружески становятся участниками событий.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

I.

Раннее утро. Лето. Богатая усадьба, принадлежащая до революции крупным землевладельцам юго-востока России. Сад. Крыльцо с открытой верандой главного дома. Все расчищено, обновлено, ярко выкрашено.

Действие начинается гонг. Первым на веранде появляется полураскрытый, только что проснувшийся Ефим, оглядывается и уходит обратно.

С шумом и смехом пробегает группа девушек. Они несут простыни и полотенца, бегут на реку.

С веранды степенно спускаются в сад пожилые колхозники. Иные прикрываются простынями. Они идут в трусиках, и их это смущает.

Словом, возникает утрення веселая и праздничная шумиха дома отдыха. Все ушли на реку, воцарилась тишина. Тогда с веранды спускается одетый Ефим, а из сада выходит Марина и Ксения Алексеевна.

Ефим (с глубокой таинственностью). Сейчас он пойдет.

Марина. Как ты можешь знать? Ефим. Я? Я Назара Ефремовича знал еще в те времена, когда он жил пастухом у хазен этого дома.

Ефим. Он от беды лето скрывался и пошел в пастухство к помещику. Я с ним целое лето в степи жил. Он песня знал. С тех пор я все песни знаю... Какой вы казак! Посмотрели бы вы!

Марина. Пастух по песне... певец. Я у тебя спрашиваю, почему ты знаешь, что Назар Ефремович решил уходить из дома отдыха?

Ефим. Потому знаю, что Назар Ефремович всегда был мне вместо отца. Я ж рос при нем, когда мы с ним в одной станице жили. Сейчас он должен выходить. Спрячьтесь за постройку.

Марина. Уважаемый человек и — пате вам! — из своего колхозного дома отдача убогает. Это у нас первый случай. Если в районном комитете партии узнают, что у нас Назар Середа убогает, то давайте мне гроб и закапывайте меня в земляки. Ксения Алексеевна, может быть вы его лететь стали сразу от всех болейней?

Кс. Ал. Зачем же так? Я не бешеная. Марина. Ах, бывает это у докторов. Дорвуть до знаменитого человека, и давай его язвечать с немалым усердием, душу вымотают из человека. Я про вас не говорю, вы еще молодая; но все-таки не заставляйте нас его жалеть что-нибудь разное, что человеку противно, например?

Ефим. На это он не жаловался. Кс. Ал. Середа вообще ни в каких пролеуках не нуждается.

Марина. А бежит... Почему же он бежит? Ефим. Марина Герасимовна, спросите у него. Откуда же доктор знает, почему он убогает? Вот он сам идет... Останется ли отоволяте, чтоб удовольствия, что он обоегает?

Марина. Мы отойдем, а ты поговори с ним. (Шлп. Является Назар с чемоданчиком. Осторожно.) Назар (Ефиму). Гуляешь?

Ефим. Гуляю. Назар. Дворничего. Что ж ты на реку не пошел, прохлаждаешься от сна?

Ефим. Что-то такое живот меня мучает. Назар. Брехня. Ефим. Не верите — не надо.

Ефим. Интересно, как Назар ухаживает? Что ж тут интересного? Встал да и пошел. И проходите вы с вашим домом отдыха. Отдыхайте на здоровье, а нам не везет. Выйди, глянь — кухарки по двору не бегают?

Ефим. Напрасно делаете, Назар Ефремович. Посмотрите, какой сад! Райская яблоня, виноград скоро поспеет. Опять же питание — соус, крем, компот с абрикосами!

Назар. А я тебе сказал, — глянь, нет ли людей во дворе? Ефим. Слушаюсь. (Выглянул). Ни души... ступайте спокойно.

Назар. Прощай, Ефим, заеваяж ко мне в колхоз, посмотри мою новую хату. Матери от меня поклон. Жениться соберешься — невесту мне покажи. Прощай, сынок.

Ефим. Обидно прощаться... Прощайте. (Назар уходит и дорогу ему загораживает Назар.) Назар. Мое почтение Назару Ефремовичу.

Ефим. Ефим, что это такое? Ефим. Не знаю. Назар. Брехня. Марина. Куда же это вы поспешаете, Назар Ефремович? Назар. А кто вас сюда звал, Марина Герасимовна?

Ефим. Чувство долга, Назар Ефремович.

Назар. Складно говорить научились. Назар. Растем. Назар. Я по вашему лицу вижу, что у вас волнение происходит. Врача б позовали.

Марина. Придется. Доктор, идите сюда, пожалуйста, обследуйте этого человека, у него вид дурной. (Является Ксения Алексеевна.) Назар. (Ефиму). И все подстроил ты... ты, собачий хвост!

Ефим. Я ничего не знаю, я чист, как то облачко. Кс. Ал. (Назару). Почему кушаться не пошли? Назар. Недело.

Кс. Ал. А куда же вы идете с чемоданом? Назар. Врать не умею. Собрался податься домой.

Марина. За что же такое прощепствие устраиваете мне, Назар Ефремович? Кс. Ал. Иначе говоря, вы решили бежать?

Ефим. Товарищи, вы все-таки сразу не наседайте... Назар (Ефиму). Стн! Ефим. Начисто продавай и ни за что! (Ушел.)

Назар. Отпустите меня без скандала. Марина. Только два дня пробыл и уходит. Что же это такое? Назар. Отлучай а без дела.

Марина. Товарищ доктор, вружайте его, пожалуйста!

Кс. Ал. Вы никогда не отдыхали? Назар. Никогда. Кс. Ал. Отдых вам даст обновление, свежесть и радость.

Назар. (Безжизненно). Сочувствую вам, но отдохнуть я... хвяти. Назар. Вам нужно успокоить нервы. Вы раздражительный?

Назар. Нет. Кс. Ал. Стук или лай собаки вас беспокоит? Назар. Нет, не беспокоит.

Кс. Ал. Станьте прямо. Назар. Служаюсь. Кс. Ал. Закройте глаза.

Назар. Ох, какая беда... Ладно. (Закрывает глаза.) Кс. Ал. Протяните руку ко мне на уровне плеч. (Назар делает, что сказано, и врач проводит известные манипуляции.) Сядьте, пожалуйста, на стулечки. (Назар покорно и уныло садится.) Положите ногу на ногу. (Бьет Назара по иблене, и нога Назара остается неподвижной.) Нервы у вас, должно быть, крепкие.

Назар. У соседей спросите, — никто не скажет, что я нервный. Кс. Ал. Но даже тракторы, как вы знаете, требуют отдыха, ремонта, обновления.

Назар. Трактор человеку не пример, он за себя заступиться не может. Его ломают, а он молчит. Кс. Ал. Странный вы человек.

Назар. Я же вам разъясню — одичал я от безделья, пишу принимаю стало оosamente. Пришел я сюда бодрый, веселый, вполне счастливым, а теперь белый свет мне сделаться противным. Одним словом, отпустите меня без скандала.

Кс. Ал. (Марине). Что же делать, если так тяжело ему. Я не знаю. Пусть выплесывается.

Марина. Вразумили, спасибо вам! (Назару.) Подождите, милый мой, а с вами скажу говорить буду. Или вы забыли Марию, или упустили из виду мой вран? Назар. Ваш нрав а помню, оттого и хотелось уйти тихо-благоугодно, не пошлаюсь вам на глаза.

Марина. Не та ли самая Марина с вами в одном отряде ходила, не та ли Марина... Назар (в панике). Та... Та самая!

Марина. За что же вы бились, Назар Ефремович, если вы не можете терпеть наших завоеваний? Назар. Неправду говорите, Марина Герасимовна.

Марина. Нет. Я чистую правду говорю. Назар. Докажите, когда я против наших завоеваний выступал? Назар. Сейчас выступайте.

Марина. Не подходит, Марина Герасимовна! Назар. Подходит, Назар Ефремович!

Марина. Докажите. Назар. Вы служили пастухом у бывшего.

Назар. Это не важно. Назар. Нет, важно. Назар. Была такая беда, — служил.

Марина. Приходилось ли вам, Назар Ефремович, читать — думать, будто вы видите чаи пить тут же на балконах под белой крышей и будете в садах этих среди фонтанов водить компанию с горбатыми людьми? Назар. Мечтал, но, по правде сказать, не думал.

Марина. Вам дали отдых в панской усадьбе, за вами ухаживают, как за малым ребенком, не дают вам палец о палец ударить, развлекают вас, как дорогого гостя, а вы катрипы нам устраиваете и скрываетесь отсюда, как самый неблагодарный человек. Это — контрреволюция, Назар Ефремович!

Назар. Подвала-таки под политику, по-добрала ключи.

Марина. А без политики вы бы и человеком не были, каким стали.

Назар. Так ведь то политика советской власти, а вы-то тут при чем?

Марина. А я поставлена советской властью смотреть, чтобы вы отключились. Сидите, Назар Ефремович, и не рыпайтесь. Назар. Холея вам на голову, Марина Герасимовна, спасибо вам. Отступайте от меня. Придется отлыгать до срока. (Возвращается на веранду.)

Окончание см. 5 стр.

В ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Помнить об ответственности

В последнее время на страницах «Правды», «Комсомольской правды» и «Литературной газеты» появились статьи о неудовлетворительном состоянии работы союза писателей. Заключаясь в эти статьи суровая критика руководства союза...

Как велик отрыв руководства партийной организации от писательской массы, достаточно ярко характеризуют следующие факты. С момента постановления ЦК ВКП(б) «О возобновлении приема в партию» партийная организация не приняла в ряды ВКП(б) ни одного человека.

В работе партакма нет плановости, организованности. Большую часть своего времени члены партакма заняты разбором личных дел, склочных зачастую вопросов, и не остается времени на разрешение принципиальных вопросов партийной работы и работы союза писателей.

Руководство партийной организации союза советских писателей нуждается в серьезных уроках из постановления январского пленума ЦК и решительно перестроить свою работу. Правда, партийная организация союза писателей проделала большую работу по очищению своих рядов от троцкистско-бухаринских агентов фашизма, от врагов народа, призвавшихся к литературе.

С другой стороны, партийная организация не разглядела действительных врагов, сохранивших партийные билеты вплоть до момента разоблачения их органами Наркомундела. Все эти крупнейшие недостатки в партийной работе союза писателей стали возможны потому, что в писательской организации не было здоровой, большевистской критики и самокритики.

Партийный комитет не возглавил большевистской самокритики. Руководству партийной организации нужно серьезно подумать об ответственности за состояние работы союза советских писателей и большевистски выйти за устранение имеющихся недочетов.

К. ЗАЦЕВ, зав. культурным Краснопресненского района ВКП(б).

На партийном собрании союза писателей

Партийная организация союза советских писателей (Москва) два вечера обсуждала постановление январского пленума Центрального Комитета ВКП(б).

По докладу тов. Френкега развернулось прения. К сожалению, прения велась на недостаточном высоком уровне. Выступавшие товарищи главным образом говорили о себе, а не о работе партийного комитета.

У партийной организации было достаточно материала, когда она в свое время решала вопрос о партийности Безумеского, Либеллинского, Кирьянова и других. Ныне эти товарищи восстановлены, получают за свои проступки строгие высказывания.

Рабочим партия вынес тов. Безумескому строгий выговор с предупреждением. Это ни в коем случае не дает повода рассчитывать на исключение из партии, на репрессии против членов партии, как указывает январский пленум ЦК.

Есть ли в партийной организации писателей «отдельные карьеристы-коммунисты, старающиеся отделиться и выделиться на исключения из партии, на репрессии против членов партии, старающиеся за последние годы вернуться к партии, применяя в отношении отдельных исключенных из партии коммунистов, Партийная организация огульно применяла эту крайнюю меру к коммунистам, которые этого не заслуживают.

Поступали ли в партакм клеветнические заявления? Таковые были, но партийный комитет вовремя их отсеивал. Поступали даже и такие заявления: кто-то, отдыхая в Сочи, лежа на пляже, слышал, что какая-то дамочка оказалась другой дамочке, что такой-то товарищ — не кто иной, как давний рецидивист контрреволюционер.

На собрании очень мало говорили о работе с беспартийными писателями, о сочувствующих, о кандидатах, о чужбности, о бдительности и о том, как мы плохо знаем людей и не знаем, над чем они работают и что они собираются писать.

ПАРТРАБОТНИК

«теории фактажа» и писателе Кириленко

Г. КУКЛЕС

Украинский писатель Иван Кириленко известен как автор нескольких книг, написанных на актуальные темы советской действительности. «Натиск», «Авантюсты», «Восемь» посвящены социалистическому переустройству деревни; «Перешитоква» — роман о советском заводе; «Кучерявые дни» написаны на тему о партии, комсомоле.

Успешная критика эти книги создали автору репутацию творчески активного писателя. Критика рвоты была непомножена, в кое-то попытке даже поощрять его в одном ряд с Бальзаком и Золя! Эти поощрения, разумеется, не могли принести Кириленко никакой пользы.

Перед советскими писателями стоит задача — овладеть методом социалистического реализма. Писатели должны зацепляться в своих произведениях великую эпоху построения социализма. У нас есть талантливые проводники, удовлетворяющие интересы читателей и показывающие победоу социалистического реализма в советской литературе. Ничего общего с этим не имеет «творческий метод» И. Кириленко. У него другой метод, иная «теория». Ложная, давно разбитая «теория фактажа».

Эту, с позволения сказать, теорию Кириленко изложил в романе «Перешитоква» устами одного из персонажей — писателя Отана. Впервые в жизни попал на завод («творческая командировка»), Отана стал рассуждать на литературные темы: «— Я хотел бы показать в своем произведении, — говорит он, — живого гармоничного человека, пролетария. До сих пор у нас писатели списывали портреты своих героев с уличных плакатов, герои их были неживые, схематичные, говорили заученными фразами, цитатами из газетных статей, и ясно, что такое творчество никого не могло убедить.

В чем тут дело? В том, что выявлять, именное где-то место Кириленко обобщил и т. д. послужило поводом к своей теории, придал им несомненное превращение в нечто, потому действительность, выходящая из его книг как в кривом зеркале.

В повести «Кучерявые дни» автор, исходя как будто бы из beliefs намерений, хотел показать контрреволюционную сущность троцкистской оппозиции 1927 года и единение партии и комсомола в борьбе за линию ЦК. Но эти благие намерения автора реализованы в более чем странном виде. «Теория фактажа» снова правела Кириленко к искажению действительности. Его повесть на деле помогает врагам партии. На десятках страниц Кириленко приводит оппозиционные речи троцкистских бандитов на партийных и комсомольских собраниях, описывает их конспиративные сходки и, по сути дела, представляет трибуны врагам для жалкой контрреволюционной клеветы на

партию, на Красную Армию, на советский народ. Впрочем, Кириленко прерывает свой «фактаж» всякий раз, когда по ходу действия выступают персонажи повести, борющиеся за линию ЦК против троцкистских молодых. Их речи Кириленко опускает. Клевета остается неразоблаченной.

Искажение действительности приводит Кириленко и к клевете на рабочих, на их отношение к борьбе партии с оппозицией. Кадровый рабочий, выведенный в повесть, говорит об этой борьбе: «Обоим работам, мне хули Панька, не хули Аршику». Если подумать, что этот рабочий — исключение, то чем обосновать такое отношение масс рабочих?

«Рабиивинше» на небольшие группы, разговаривали старые и молодые, и с первого взгляда было неизвестно, что думает эта шумная толпа, кого она поддерживает, кто опускает?»

Что общего с действительностью имеет подобное описание острейшего периода борьбы партии с врагами? Писатель Кириленко почему-то не вспоминает, как рабочие на тактич выносивши оппозиционеров с советских заводов! Тут уже не скажешь, что «обае рабае»!

Читатель не найдет в повести сколько-нибудь ярких типов большевиков, громиль троцкистских бандитов, Коломолки Кнриль и агитатора комсомольского района Николаю по поводу политич партии. Вот философия этого «агитпропа».

«— Надоело уже, — сказал Николай. — Все равно, оппозиция ли, большинство ли, а люди страдают, умирают, жизнь все равно жестока, уезл противоточный завязан крепко, и как его разубить?»

Правда, под конец повести Николай спонтанно безграмотно веру в победу и непреклонность воли. Он высказывает самодовольства товарищам. Его послания на учебу, против ему укравшего подпольного собрания троцкистов, вопиющие факты морального падения (шляпка, разврат и т. д.). Добродетель торжествует! В «Наступлении» и «Авантюстах» деревня

набрана как сила, враждебная советскому строю. Чтобы организовать в деревне хлебоготовку, требуется, по Кириленко, «наступление» из города. Положительных героев в повести нет: упоминоченный райком партии Редкодуб и другие «шпионтельные» по автору герои выглядят в действительности леваками-перегибщиками, творцами беззакония, политическими слепцами и примиренцами. Герой романа Редкодуб, олицетворяющий по Кириленко партию и возглавляющий «наступление», отнесется к деревне враждебно, мечтает покосе отделиться от неприятного задания и вернуться в город.

«Он... думал, что в столице куда лучше работать; там, по крайней мере, не будут гоняться по тебе ноги дедовных кудавок и не будут получать письма с предупреждением, что «все равно уберем». «Завтра и райпартиком обязательно поговорю». Довольно уж, что ли. Поработал немного... ну, о других мобилизую! Я уже свое, кажется, отработал...» засыпая решил Редкодуб. Кириленковский «фактаж» снова бьет его самого, снова приводит к изобретению действительности в кривом зеркале.

Ничем не лучше и другие повести Кириленко. В «Авантюстах» та же идеология, которую нужно взять с бою. Легкомысленность автора сочетается с уже знакомыми (в его книгах мотались Павло и Варвара) терминами бессилия преодолеть «известную коость деревни».

Мы уже отмечали, что в романе «Перешитоква» Кириленко извратил действительность, показав комсомольцев как «авральщиков». На фоне этой кривизны и шумихи изображается «перешитоква» Ани — жены белогвардейского полковника, которая, вилде ли, перековывается в советского человека.

Напрасным было бы искать в романе изображение того, как в заводском советском коллективе воспитываются новые люди. Роман написан по испытанной «теории фактажа». Он не учит читателей большевистской бдительности к врагам, а наоборот, усыпляет бдительность.

Таковы факты, уж если говорить о «фактаже». Они свидетельствуют о политической порочности писательской деятельности Кириленко, а его творческой несостоятельности.

Студентка Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы в гор. Сталинобле (Таджикская ССР) Файнином Норматова за чтением поэмы Шота Руставели «Витязя в тигровой шкуре».

В парторганизации Гослитиздата

Парторганизация Гослитиздата о энтузиазном встретила решения январского пленума ЦК ВКП(б).

На партийном собрании, обсуждаям решении пленума, коммунисты Гослитиздата проанализировали все случаи исключения из партии за последние два-три года. Отмечая большую ответственную работу, проделанную парторганизацией по разоблачению врагов, собрание одновременно вскрыло ряд фактов необоснованного, неправильного исключения коммунистов из партии.

В Гослитиздате имели место факты необоснованного увольнения беспартийных работников. Рядовой работник Гослитиздата, литсотрудница тов. Бер была уволена

единственно по мотивам ее социального происхождения.

Коммунисты Гослитиздата должны дать пример большевистского усвоения и реализации решений январского пленума ЦК ВКП(б).

Дело не только в исправлении явных перегибов и ошибок. Парторганизация Гослитиздата должна последовательно проявлять больше заботы о большевистском воспитании и культуре литератора, а качестве советской книги, о больших и малых работников.

В таком значительном коллективе, как Гослитиздат, где работает сотни людей, — благодатная почва для роста партийной и комсомольской организации.

Н. ДАЧИН

М. ШЕЙМАН

Об отделении церкви от государства

Двадцать лет тому назад Совет народных комиссаров издал декрет об отделении церкви от государства. Декрет имел огромное значение для освобождения широких масс трудящихся от религиозных пут и для ослабления реакционной поповщины.

В программе коммунистической партии указано, что отделение церкви от государства и школы от церкви есть вопросы буржуазно-демократической революции. Буржуазная демократия обещала эти мероприятия, но нитде не провела их до конца в силу многообразных связей капитала с организациями религиозной пропаганды. На примере любой буржуазной страны можно проследить эти огромные связи церкви с капиталом, сравнение аппарата церковного с аппаратом буржуазного государства. На в одной стране мира, кроме СССР, не проведено последнее дело и до конца отделение церкви от государства, нет свободы совести. Только у нас вопрос этот решен до конца. И разрешение этого вопроса важнейшим делом в декрете об отделении церкви от государства, а затем, поэма, в Сталинской Конституции.

Интересный пример этого угодничества церкви деспотизму мы находим в книге прокурора Вячеславо «Церковь в государстве». Он сообщает, что недавно из революции церковь — рассматривается в вопросе об утверждении в сан епископа одлого монаха, славившего своим беззастенчивым поведением. Триады внесли обер-прокурор в синод эти кандидатуры, и трижды она отклонялась. Наконец обер-

К двадцатилетию декрета

прокурор заявил, что в Царском хотят, чтобы монах стал епископом. Тогда выступил один из столпов церкви, Антоний Храповицкий, и заявил: «Что же вы молчите, не сказали прямо? Если в Царском хотят его в епископы, то ведь, если Царское захочет, то мы и черного боровя повосят в архиереи».

Исключительно сильно было влияние религии в школе, и все дело начального образования было отдано под контроль церкви. Это делалось для борьбы с «краснодел». В письме к Александру III Победоносцев, бывший обер-прокурор синода, писал (1881 г.): «В народном первоначальном образовании министерство народного просвещения необходимо искать главной опоры в духовенстве и церкви». Этот же мракобос Победоносцев выбросил лозунг — «омыемые школы».

Церковь вмешивалась в личную и семейную жизнь граждан. Ее отношение к женщине, как существу, неравному мужчине, вписанному, созданному «только на ребра», она настоячно проводила в своих учебниках о семье, браке, о воспитании детей, отношении между мужем и женою.

Церковные организации за верную службу царизму получали от правительства, помещиков и буржуазии огромные денежные, земельные и иные приношения, а от государства по бюджету свою получала до 50 миллионов рублей ежегодно. По данным за 1905 год, в Европейской России церковь и монастыри имели 2,612 тысяч десятин земли. Солдовский монастырь имел 66 тыс. десятин земли, Саровская пустынь — 26 тыс. десятин. Монастыри были крупнейшими крепостническими хозяйствами Тисыадами домов, гостиниц, торговых помешаний подворий и т. д. владельцы церквей в городах. Доходы церквей и духовенства не подлежали учету. Известно лишь, например, что московский митрополит получал в год 81 тысячу рублей дохода, новгородский архиепископ — 307 тысяч, киеский — 84 тысяча.

Духовенство и вся церковная организаци-

ция всех религий зарекомендовали себя злейшим врагом освободительного движения, слугой реакции.

В том же письме к Гоголю Великий писал: «...Наше духовенство находится во всеобщем прераении у русского общества и русского народа. Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадьму, попову дочку и попову работника... Не есть ли поп на Руси для всех русских представитель обжорства, скупоости, низкопоклонничества, бестельства?»

Декрет об отделении церкви от государства покоялся с существовавшим при царизме насильем над советами граждан. Декрет предоставлял каждому гражданину верить или не верить в бога. Церковь и государственные субсидии. Религиозные организации стали частными организациями граждан, существующими только для отправления культа.

Декрет осуществлял то, что большевики в своих требованиях выставляли еще додого до революции. В статье «Социализм и религия» Ленин в 1905 г. выдвигал требование отделения церкви от государства. «Государство не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедывать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т. е. быть атеистом, каковым и бывает обыкновенно всякий социалист. Никакие различия между гражданами в их правах в отношении к религии не должны существовать совершенно безусловными. Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены. Не должно быть никакой выдачи государственных церквей, никакой выдачи государственных сумм церковным и религиозным обществам, которые должны стать совершенно свободными, независимыми от власти союзами граждан-единомышленников».

Эти требования полностью осуществлены декретом об отделении церкви от государства и закреплены в 124 статье Сталинской Конституции.

В. Ленин и М. Горький, Собрание сочинений, том VIII, стр. 430.

Церковь организовала яростное сопротивление декрету об отделении церкви от государства.

В борьбе с советской властью были забыты распри, и на этом деле объединились православная церковь, католические епископы, иудейские раввины, мусульманские муфты и служители всех других религий. Заседавший в дни Октября 1917 г. в Москве всероссийский церковный собор избрал патриарха. При этом совершенно недумосмысленно говорилось, что патриарх нужен для организации монархических сил. Собор церкви, состоявший из епископов, графов, князей, офицеров царской армии и т. п., проклял советскую власть и призвал верующих выступать против власти.

На нескольких заседаниях собор обсуждал декрет об отделении церкви от государства. Попов особенно бесполокпо лишние церкви и монастыри права владеть собственности, а также лишение их государственных денежных подачек, казенного содержания. В специальном обращении к верующим собор призвал создавать при церквях дружины для противодействия проведению декрета об отделении церкви от государства.

На одном из заседаний собора, где было заслушано погромное воззвание патриарха Тихона, выступил крупный помещик граф Олюфьев, и, одобряя антисоветское послание, упрекнул собор, что тот авторитарно только тогда, когда затронули имущество церкви, и молчал, когда громили помещиков. На этот упрек помещика Олюфьева Нижегородский митрополит Арсений ответил, что собор выступил и в защиту помещиков и защищает помещиков, их имущество так же, как и церковное. «Мы живем одним жизнью», — заявил Арсений помещику Олюфьеву, — и нас могут быть разогнаны, но советских разногласий у нас нет. Советских разногласий между помещиками и помещиками не было, и они это подтвердили еще раз своим участием в годы гражданской войны на стороне интервентов и белогвардейцев.

Церковь была с Лениными, Колчаком, Врангелем и другими белыми генералами. Она создавала «полки Иисуса», «полки Богородицы», «полки Магомета» как боевые единицы в армиях наших врагов Попы во главе с нынешним папой Пием XI (тогда папский посол в Варшаве) участвовали в антисоветских походах Антанты. Они служили японской разведке на Дальнем Востоке Попы, равнины, ксеняды служили немцам на Украине, и, любящий отметить, немские оккупанты, злейшие враги трудящихся, заявив в 1919 г. Украину, позаботились привести из Германии поповские ризы для духовенства. За границей римский папа и попы других

религий организовывали крестовые походы против нашей страны. Это они испустили заклятие по миру скваку о «национализации женщин» в Советской России, скваку, которая должна была возбудить общественное мнение против первой в мире Советской республики.

Борьба всех и всяких религиозных организаций против Советского Союза и коммунизма не прекратилась ни на один день. Поджигатели войны имеют в лице князей, первов своих лакеев и агентов. Внутри страны верхушка церковных организаций, как это показал ряд фактов, вместе с троцкистскими бандитами и иностранными шпионами вредят нашему строительству, используя религию в интересах и целях врагов нашей родины.

За двадцать лет, прошедших со времени издания декрета об отделении церкви от государства, лицо нашей страны преобразовалось. Под руководством коммунистической партии и вождя народов товарища Сталина построено социалистическое общество. Из нищеты, отсталости, какой была царская Россия, страна наша стала передовой индустриальной, культурной, о мощной промышленности и передовым механизированным сельским хозяйством.

Изменились и сами люди Советской страны. И это не могло не сказаться на отношении широких масс трудящихся к религии и церкви. Отход от религии в нашей стране исключительно велик: с религиозной порвалы и порывают миллионы людей — жителей города и деревни. В то же время есть еще много миллионов верующих, есть религиозная организация, пользующаяся влиянием на часть населения и использующая религиозные предрассудки против социализма.

В нашей художественной литературе почти не показан процесс ухода религии, не показана также в художественной форме реакционная роль высшей религии. Максим Горький писал, что молоты литераторов «можно упрекнуть в том, что аа нестнаждать лет работы они не коснулись целого ряда интереснейших явлений нашей жизни. Одно из таких явлений — процесс отмирания религии, которая служила отходом и развлечением для миллионов жителей нашей страны. Не показана, как исчезла надежда на помощь поа и бога и как на пустом месте исчезла ишелция явлуюсь у человека сознание его независимости от «невомоля», непосижной, вседейщей силы». Не показана борьба веры и разума, эмоций и мысли, а ведь мы еще недавно жили в стране тысяч церквей, монастырей, церковных школ, в стране, по прослоченным дорогам которой яму и лето ходила тысяча

странников, «богомолв», сетевей литературы, проповедников «божьей воли», гасителей воли человеческого».

Этот отход в литературе, на который указывал Максим Горький, не восполнен до сих пор. Такие темы, как участие религиозных организаций в гражданской войне в лагере белых, как использоваые старые миром религиозных предрассудков для сохранения своих позиций, как антисоветские крестовые походы, — все это в художественной литературе не нашло отражения. При огромном интересе к истории своей страны, который сейчас есть в широких слоях населения, наша историческая художественная литература очень мало рассказывает о роли церкви и монастырей как гасителей всего прогрессивного и передового, как союзника интервентов и в прошлом (известно, например, прямое участие неучтов и папы в выдиржении самозванца в XVII в.), о борьбе религии против науки. Роман Дидро «Монахи», написанный около 200 лет тому назад, и сейчас читается с захватывающим интересом. А разве монастырская жизнь в дореволюционной России дает мало яркого материала, чтобы на основании его изощрять религию и церковь и помогать тем, кто еще верует в поповскую магию, поварить с религией! В художественной литературе все эти вопросы обйдены.

Коллективизация сельского хозяйства встретила жестокое сопротивление кулачества, широко использовавшего религиозные предрассудки против колхозов (сваку о «кончине мира», об «антихристе»). Это было помехой колхозному строительству, но больше масс крестьянства на этих же фактах убедилась во вреде религии, и многие порвали с церковью. Передела психологию крестьянина, особенно крестьянина, в их отношении к религии и церкви также мало отражена в нашей литературе.

Совершенно ошибочно было бы считать, что с религией уже покончено. Религия является наиболее реакционной и консервативной силой нашей эпохи. Она сохранила и донесла до XX столетия многие диаркские воззрения далеких тысячелетий. Борьба с ней требует настойчивой работы, упорного труда.

Ленин писал о большом значении бойкой, живой, талантливой, остроумно и открыто участвующей на господствующем XVIII века — для пробуждения людей от религиозного сна. Наша художественная литература должна дать также талантливые работы, которые помогали бы пробуждать людей от религиозного сна и служили бы делу освобождения сознания людей от религиозных предрассудков.

М. Горький, статья «Веседа с молодыми».

Союз—

ЭТО ПИСАТЕЛИ

Б. Ромашов

Необходимость перестройки работы Союза писателей назрела уже давно. Нет нужды повторять, что союз, его деятельность в тех формах, в которых она проявлялась, не может вполне удовлетворить писателя. Беда в том, что некоторые положительные мероприятия Союза (совещания по волонтерскому писательскому вопросу, чтение произведений и их обсуждения) носят случайный характер и кажутся мизерными в сравнении с теми огромными событиями, которые происходят в нашей Советской стране.

Общественно-политическая жизнь Союза писателей восполнилась во время выборов в Верховный Совет, во время первой Сессии Верховного Совета. Но встреча с депутатами-писателями, волнующая, интереснейшая встреча, которой многие ждали, была организована Домом актера, а не писательской общественностью. Разве не интересно было бы и нам в дружной товарищеской среде побеседовать с депутатами?

Крупные события политической жизни не получают нужного резонанса в нашем общественном кругу. Это именно резонанс, который должен быть переключен в творческую энергию писателя.

Когда говорим с писателями, то чувствуем, что общим желанием является работа. Да, всем хочется по-настоящему работать. Не заседать, тратить время, до головной боли, прокурывая бесконечную посылку «текущих вопросов», а работать: писать, собирать материал, общаться с людьми, говорить друг с другом о том, что тебя волнует, делиться своими мыслями с товарищами. Хороши писательские разговоры, горячие споры на большие и мелкие темы писательского труда— вот чего хотят писатели. Именно из такого общения, нужного нам, как воздух, и рождается та взаимная связь, поддержка, коллективность, о которой мечтал А. М. Горький. В этой взаимной связи рождается мысль, крепнет уверенность, открывается сознание. Ведь так работает вед. страна могучего социалистического труда! Все дело в работе, во для сплочения во имя движения вперед, — в этом смысле деятельности Союза писателей.

Говорят, что эти формы общения трудно изобрести, что писателя, мол, плохо собираются и не ходят. Да потому и плохо собираются и не ходят, что, видимо, формы, практиковавшиеся до сих пор, устарели. Нужны новые формы. И не могут писатели не собираться, если внутренняя потребность к этому так нагнетала, так остро ощущается всеми.

Разумеется, это новое нечто общее не может иметь с теми салонно-банкетными встречами, которые практиковались еще недавно в Доме писателя. Дом писателя должен стать центром творческой жизни. И даже разумный отход, который за последние годы отходит от писателя и писательского учреждения, должен быть нацелен на подлинным образом, наизобретенность, встречам с интересными актерами, деятелями науки, военными работниками, рабочими-стакановиками.

Творческой жизни должны наполниться редакции наших газет и журналов и в первую очередь наши секции.

Секция драматургов, работающая более живо, чем другие, в последние время устраивает и читские и встречи с работниками театра. Но можно ли сказать, что драматурги уже создали такое место, куда отсюда приходили бы режиссеры, актеры, работники других профессий? В Доме писателя обстановка колониальная. Неудача. И сам драматург живет разобщенно, а это отталкивает даже от хороших деловых мероприятий. Почти секция драматургов очень хороша, но надо много еще поработать, чтобы творческая жизнь секции стала полноценной.

Союз должен больше интересоваться каждым человеком, каждым писателем, отказываться от вылогового подхода к вопросам литературы. Руководство Союза должно определить программу своей творческой деятельности именно в этом смысле.

ПУТИ ПЕРЕСТРОЙКИ

Ал. СУРКОВ

Письмо пяти писателей, напечатанное в «Правде», поставило перед литературной общественностью не новый по существу, но чрезвычайно острый и важный вопрос об отсутствии производственно-творческой атмосферы в Союзе писателей. Творческая работоспособность литераторов не первый год дает себя чувствовать. Особенно на улице Воровского был и остается местом бесконечных скучных словосоплений. В его расквасе прокурных комнатах идут бесчисленные заседания, а в комнате с лепными амурами перед обитой войлоком и ленивой (за звукокоэффициентом) дверью кабинета секретаря Союза сидят вереницы людей, чающих движения воды.

Конечно литература живет, появляются и появляются новые книги. Но все-таки литература росла бы более интенсивно, если бы жила в обстановке на улице Воровского проспекта по-иному.

«Письмо пяти» призвало писателей решительно реформировать работу Союза, поставив в центре внимания рукописи. Если ли можно это-либо прибавить к этому желанию? Оно справедливо и исчерпывающим образом определяет, с чего нужно начать для ликвидации «департаментской» обстановки в Союзе.

Поворот к рукописи, если это не очередной жест и пустая фраза, ко многому обязывает. Это значит, что необходимо переосмыслить с методической последовательностью всю систему работы, каждую ее звено и каждую веточку этого органического организма вывернуть с точки зрения главной задачи — борьбы за высочайшую ответственную, достойную нашей социалистической действительности литературу.

Если так поставит вопрос, то на месте некомпетентного, некомпетентного «национального сектора», плодоящего канцелярской волюнтаризма, должен возникнуть журнал. В этом журнале (условно назовем его «Литература народов СССР»), возглавляемом компетентной редакционной коллегией, будут публиковаться все наиболее выдающиеся творческие произведения писателей братских народов СССР, статьи о национальных литературах, отдельных писателях и отдельных произведениях. Таким образом на деле будут реализованы совершенно правильные, но бесплодные до сих пор пожелания о творческом взаимодействии и взаимовыгодности братских литератур. Широкая и глубокая творческая программа журнала соберет вокруг него наиболее активное и ответственное творческое ядро писателей критиков и литературоведов. Забота о высоком качестве русской литературы, руководстве самой литературной работой будет поставлена перед неопознанными «облигациями» вокруг себя кадры переводчиков с языков народов СССР и станут центром борьбы за культуру и просвещение, приспособленность и паразитизм, процветание среди довольно значительной части переводчиков, поставивших переводческую макулатуру для «напектатора» Гослитиздата и временной печати.

Мы предлагаем сделать от из рук волюнтаризма работы «национального сектора» Союза, равно как и от бедности «оборонной» коммюни и не более ее деловой «ностранной» коммюни. Это, осуществляя новый курс, союз перенесет центр внимания на работу литературно-художественных журналов.

Но прежде чем остановиться на этом важнейшем звене, решающем судьбу действующей перестройки Союза, я должен коснуться работы Дома советского писателя.

В Москве существует несколько клубов работников науки и искусства: Дом ученых, Дом актера, Дом архитектора, Клуб мастеров искусства. У каждого из перечисленных клубов есть свои недостатки, но ни в одном из них не царит такая атмосфера скуки и безразличия, как в писательском клубе. В клуб бы ученых и архитекторов писательского клуба встречать чаще, чем в их собственном клубе. У работников смежных профессий, инженеров и ученых. Тот злит горькими словами клубы и даже их. У нас на вопрос «почему вас не видно в ДСП?» ответил с угнетенной безразличностью: «А ну еще скажу вам смертлина».

Все это произошло оттого, что параллельно все общественно-политические мероприятия в своих руках и шапел о падце не ударило для того, чтобы перенести их из тенистых стен учреждения на арену общественно-клубной самодеятельности. И недаром в течение года не удалось собрать писателей для выборов правящего органа клуба. Писатели только тогда будут относиться к клубу, как к своему детскому саду, как к своему училищу, когда он из подчиненного учреждения в союзной структуре превратится в самостоятельную действующий орган «облигающий обществу-политическую и творческую самодеятельность писательского актива».

Повторю, самое главное звено в реорганизации работы Союза — журналы. Нельзя пожаловаться на то, что о журнале мало говорили на заседаниях правления Союза. Случались отчеты, реплики, проносились хорошие речи, но раз выносились резолюции, но «воз и ныне там». До сих пор к нашим журналам применено название «почтового ящика». Большинство наших журналов, хотя они носят гордый подзаголовок «Орган Союза писателей», являются собой органы горестно анимичные. Они приносят самотек приходящие рукописи, регистрируют их и удачно — или чаще всего неудачно — тискают те или иные произведения в очередных книжках.

Обо всем этом много говорят в писательской среде. В частных беседах указывают на некоторые журналы как на неформальные органы той или иной писательской группировки, еще успевающей себя сохранить. Но постепенно наши литературно-художественные журналы теряют даже эти призрачные свои «индивидуальности» и становятся скучными, серыми альманахами, как-то казались воды похорожи друг на друга. Бесцветные оживают творческую среду и усеивают приток новых ярких произведений советской литературы, редакции журналов в последние годы усиленно набросились на переводные романы, а журналы «Октябрь» даже недавно открыл себе новеллу молодого писателя... Кроме де Вальсара. В свое время некоторые «оборонотехни» делались из «Знамени» ушлились даже из этой перловкой «необходимо» сделать добротный, утверждающий переводчики Ремарка и других западных писателей свой приоритет «лучшего» из советских журналов.

После ликвидации РАИП были коренным образом пересмотрены и обновлены редакции всех литературно-художественных журналов. Но тех пор прошло около шести лет, а редколлегия попрежнему остается немемной, хотя некоторые из них уже являются явным анахронизмом. Редколлегия журналов большей частью числится лишь на титульном листе очередных номеров и фактически не работает. Они давно уже стали фикцией, прикрывающей работу издательских редакций, или небольших групп членов редколлегий. Превращение редколлегий в фикцию во многом предопределяло совместительство членов редколлегий по двум или даже трем журналам.

Крутовая безответственность приводила к тому, что редакторы с легкостью печатали сырые и вредные вещи и с такой же легкостью отмежевывались от них и от их авторов. Отмечались в порядке «страховки» и от произведений, явно несправедливо раскрытых критиком. Молги ли при подобном «срыве» писатели уважать журнал, в котором они печатаются?

Писатели уговили закоулки утилитарный подход к своим журналам, усматривая в них средство получить лишнюю руб паровар за сданное уже для отдельного издания произведение.

А между тем журнал для писателя должен быть тем же, чем для драматурга или актера театр. Журнал должен делать «свои» в литературе. Для писателя журнал — это своего рода «статья» в периодической печати и его журнал должен иметь такое же значение, какой имеет для драматурга или режиссера общественный просмотр или премьеры пьес.

Для молодого писателя появление его произведения в журнале должно быть таковым же значительным и волнующим событием, как дебют молодого актера на сцене известного театра. Подобно тому, как в театре реакция зрителей и прессы на постановку определяет судьбу пьесы, отклики читателей журнала и прессы на вновь появившиеся произведения должны определять репутацию и место данного произведения в литературе и тираж первых изданий книги.

Такого положения может быть достигнуто лишь при коренной перестройке системы работы наших журналов. Организатором литературы должен стать советский журнал. Только самое лучшее, представляющее удачу автора и литературы, должно появляться на журнальных страницах. Журнал должен иметь своих авторов, свой творческий коллектив, заинтересованный в процветании журнала, и свой читательский актив, связывающий писателя с читателем.

Факт появления на страницах журнала того или иного произведения должен быть проявлением индивидуальной воли и вкуса редактора, но за этим должны стоять коллективное мнение и ответственность всей редколлегии и всего писательского коллектива, объединяемого журналом. Только таким путем можно оградить писателя от влияния индивидуальной вкусовой оценки редактора.

Непрерывным условием начала перестройки является упреждение ныне существующих фиктивных редколлегий и создание новых, многочисленных по составу, но подобранных тщательно и серьезно. У нас в литературе изжиты группировки и изживаются (хотя и не очень быстро) элементы групповщины. Но стиливые направления были и будут существовать. Надо, чтобы при формировании редколлегий эти непреложные факты нашего литературного бытия были учтены с исчерпывающей полнотой. Может быть, тогда и будет устранена «универсальность», тогда и будет устранена «универсальность» стандартизации», делаются все журналы похожими один на другой. Редколлегиям не стоит отказываться от редакторов, но редактор должен быть в журнале не диктатором, а организатором активности всей редколлегии, «душой дела», а не омертвевшим «директивным инстанцией». Только при этом условии каждый член редколлегии будет чувствовать себя полноправным хозяином в журнале и нести всю меру ответственности за него.

С перестройкой журналов отпадет необходимость в работе областного сектора Союза. Ибо кому как не нашим журналам следовать за литературной жизнью в стране и выдвигать новые таланты. Отпадеть вместе с тем необходимость и в «модежном» секторе. Вопросы учебной деятельности целиком переместиться в литературный вуз с его заочным сектором и в журнал «Литучеба» (работающий пока плохо и бессистемно).

Мне кажется, что при такой постановке дела впервые могут зажить полноценную жизнью ныне крайне неважно работающие секции, а правление Союза из «департамента по делам литературы» превратится в то, чем оно должно быть в демократической стране, координирующей жизнь отдельных звеньев писательского труда, обеспечивающей взаимодействие этих звеньев и неразрывную связь их с партией и советской общественностью и общающийся творческий опыт всей советской литературы. При этом условии выветрятся из комнат и коридоров обстановка на улице Воровского кислый канцелярский запах.

Порукую тому, что все это достижимо, является крепкая сплоченность основных писательских кадров вокруг партии и великих задач социалистического строительства. Советские писатели могут с гордостью сказать, что они не составляют исключения в том великом историческом процессе, который в дни выборов в Верховный Совет был оформлен в блок коммунистов и беспартийных. Советские писатели — беспартийные и коммунисты — неотделимая часть могучего и неразрывно сплывающего двух великих сил — народа и коммунизма.

Вина и беда руководства Союза, всего состава нынешнего президиума и правления и нас, коммунистов-писателей, заключается в том, что мы с уготованной медалью лет опустели канцелярщины, сложив на словах лозунги блока коммунистов и беспартийных, но деле в жизни прогнали этот блок и не направляли эту могучую преобразующую силу в творческое созидательное русло.

Но надо не только признавать ошибки. Надо их немедленно исправлять.

Такого положения должны определять репутацию и место данного произведения в литературе и тираж первых изданий книги.

Такого положения может быть достигнуто лишь при коренной перестройке системы работы наших журналов. Организатором литературы должен стать советский журнал. Только самое лучшее, представляющее удачу автора и литературы, должно появляться на журнальных страницах. Журнал должен иметь своих авторов, свой творческий коллектив, заинтересованный в процветании журнала, и свой читательский актив, связывающий писателя с читателем.

Факт появления на страницах журнала того или иного произведения должен быть проявлением индивидуальной воли и вкуса редактора, но за этим должны стоять коллективное мнение и ответственность всей редколлегии и всего писательского коллектива, объединяемого журналом. Только таким путем можно оградить писателя от влияния индивидуальной вкусовой оценки редактора.

Непрерывным условием начала перестройки является упреждение ныне существующих фиктивных редколлегий и создание новых, многочисленных по составу, но подобранных тщательно и серьезно. У нас в литературе изжиты группировки и изживаются (хотя и не очень быстро) элементы групповщины. Но стиливые направления были и будут существовать. Надо, чтобы при формировании редколлегий эти непреложные факты нашего литературного бытия были учтены с исчерпывающей полнотой. Может быть, тогда и будет устранена «универсальность», тогда и будет устранена «универсальность» стандартизации», делаются все журналы похожими один на другой. Редколлегиям не стоит отказываться от редакторов, но редактор должен быть в журнале не диктатором, а организатором активности всей редколлегии, «душой дела», а не омертвевшим «директивным инстанцией». Только при этом условии каждый член редколлегии будет чувствовать себя полноправным хозяином в журнале и нести всю меру ответственности за него.

С перестройкой журналов отпадет необходимость в работе областного сектора Союза. Ибо кому как не нашим журналам следовать за литературной жизнью в стране и выдвигать новые таланты. Отпадеть вместе с тем необходимость и в «модежном» секторе. Вопросы учебной деятельности целиком переместиться в литературный вуз с его заочным сектором и в журнал «Литучеба» (работающий пока плохо и бессистемно).

Мне кажется, что при такой постановке дела впервые могут зажить полноценную жизнью ныне крайне неважно работающие секции, а правление Союза из «департамента по делам литературы» превратится в то, чем оно должно быть в демократической стране, координирующей жизнь отдельных звеньев писательского труда, обеспечивающей взаимодействие этих звеньев и неразрывную связь их с партией и советской общественностью и общающийся творческий опыт всей советской литературы. При этом условии выветрятся из комнат и коридоров обстановка на улице Воровского кислый канцелярский запах.

Порукую тому, что все это достижимо, является крепкая сплоченность основных писательских кадров вокруг партии и великих задач социалистического строительства. Советские писатели могут с гордостью сказать, что они не составляют исключения в том великом историческом процессе, который в дни выборов в Верховный Совет был оформлен в блок коммунистов и беспартийных. Советские писатели — беспартийные и коммунисты — неотделимая часть могучего и неразрывно сплывающего двух великих сил — народа и коммунизма.

Вина и беда руководства Союза, всего состава нынешнего президиума и правления и нас, коммунистов-писателей, заключается в том, что мы с уготованной медалью лет опустели канцелярщины, сложив на словах лозунги блока коммунистов и беспартийных, но деле в жизни прогнали этот блок и не направляли эту могучую преобразующую силу в творческое созидательное русло.

Но надо не только признавать ошибки. Надо их немедленно исправлять.

Такого положения может быть достигнуто лишь при коренной перестройке системы работы наших журналов. Организатором литературы должен стать советский журнал. Только самое лучшее, представляющее удачу автора и литературы, должно появляться на журнальных страницах. Журнал должен иметь своих авторов, свой творческий коллектив, заинтересованный в процветании журнала, и свой читательский актив, связывающий писателя с читателем.

Факт появления на страницах журнала того или иного произведения должен быть проявлением индивидуальной воли и вкуса редактора, но за этим должны стоять коллективное мнение и ответственность всей редколлегии и всего писательского коллектива, объединяемого журналом. Только таким путем можно оградить писателя от влияния индивидуальной вкусовой оценки редактора.

Непрерывным условием начала перестройки является упреждение ныне существующих фиктивных редколлегий и создание новых, многочисленных по составу, но подобранных тщательно и серьезно. У нас в литературе изжиты группировки и изживаются (хотя и не очень быстро) элементы групповщины. Но стиливые направления были и будут существовать. Надо, чтобы при формировании редколлегий эти непреложные факты нашего литературного бытия были учтены с исчерпывающей полнотой. Может быть, тогда и будет устранена «универсальность», тогда и будет устранена «универсальность» стандартизации», делаются все журналы похожими один на другой. Редколлегиям не стоит отказываться от редакторов, но редактор должен быть в журнале не диктатором, а организатором активности всей редколлегии, «душой дела», а не омертвевшим «директивным инстанцией». Только при этом условии каждый член редколлегии будет чувствовать себя полноправным хозяином в журнале и нести всю меру ответственности за него.

С перестройкой журналов отпадет необходимость в работе областного сектора Союза. Ибо кому как не нашим журналам следовать за литературной жизнью в стране и выдвигать новые таланты. Отпадеть вместе с тем необходимость и в «модежном» секторе. Вопросы учебной деятельности целиком переместиться в литературный вуз с его заочным сектором и в журнал «Литучеба» (работающий пока плохо и бессистемно).

Мне кажется, что при такой постановке дела впервые могут зажить полноценную жизнью ныне крайне неважно работающие секции, а правление Союза из «департамента по делам литературы» превратится в то, чем оно должно быть в демократической стране, координирующей жизнь отдельных звеньев писательского труда, обеспечивающей взаимодействие этих звеньев и неразрывную связь их с партией и советской общественностью и общающийся творческий опыт всей советской литературы. При этом условии выветрятся из комнат и коридоров обстановка на улице Воровского кислый канцелярский запах.

Порукую тому, что все это достижимо, является крепкая сплоченность основных писательских кадров вокруг партии и великих задач социалистического строительства. Советские писатели могут с гордостью сказать, что они не составляют исключения в том великом историческом процессе, который в дни выборов в Верховный Совет был оформлен в блок коммунистов и беспартийных. Советские писатели — беспартийные и коммунисты — неотделимая часть могучего и неразрывно сплывающего двух великих сил — народа и коммунизма.

Вина и беда руководства Союза, всего состава нынешнего президиума и правления и нас, коммунистов-писателей, заключается в том, что мы с уготованной медалью лет опустели канцелярщины, сложив на словах лозунги блока коммунистов и беспартийных, но деле в жизни прогнали этот блок и не направляли эту могучую преобразующую силу в творческое созидательное русло.

«У орудия» — фото Я. Хамраева, экспонат Всесоюзной выставки фотоискусства. Тов. Я. Халил получила за свои работы диплом 1-й степени.

А. МАЛЬРО

Подземный бой

Андре Мальро закончил роман «Надежда». Его тема — героический война испанского народа против фашистов. Мы помещаем отрывок из этого романа. Здесь изображен боевой эпизод из знаменитой осады Алькасара.

— Сколько заложников в Алькасаре? — Узнать это невозможно... Тут всякое следствие гонимось в пещерах... В Алькасаре достаточно большое число заложников, среди них немало женщин и детей: фашисты вначале захватывали всех, кого могли. Но наши движения парализуют не заложники, а летящая в заложниках. Может быть, число их все-таки уж не так велико, как мы опасаемся...

Она шла к бывшему монастырю Санта-Крус, мимо пылявшего по дороге взвода саванеристов-греныев, похожего на мошгольское племя. Впереди были враждебные окна военного губернаторства, над ними — Алькасар.

— Здесь мы пустим в ход наш динамит? — Да.

Они миновали неразбериху сожженных садов, прохладных ал и лестниц; вошли в залу музея. Окна были замурованы желтыми с песком и обломками статуэ. Друзьями стреляли, обливались потом в накаленном, как в топке, воздухе. Их голые торсы были покрыты платными света; верхняя часть кирпичной стены была превращена вражескими пулями в сито. Пошли Гарсия на вытянутых руках апостола были развешены, как белье, лушеметные ленты. Гарсия повесил свою кожаную куртку на вытянутый указательный палец.

— Мерсерри показал к нему. — Командир, — сказал он, — я хочу вам сказать, что все красивые статуи находятся в задержанной месте.

Из коридоров и темных зам они выбрались на крышу. По ту сторону бедных под ярким солнцем черепица гора Каталиды, до самого горизонта покрытая рыжими цветами и полями. Охваченный невыносимым блеском, Гарсия был близок к рвоте от этого слепящего жара. Он размыкал глазами кладбище.

Гарсия чувствовал себя униженным, словно в присутствии этих камней и маршалоцев, ярко белых на желтом фоне, всякая мысль о сравнении была сметочверна. Пули пролетали с мыльным осыпым гудением. Некоторые из них с резким звуком взрывались черепицы. Эрнандес держал в руке револьвер и шел согнувшись, за ним — Гарсия, Мерсерри и дружинники с динамитом. Все обожженное: спина — солнцем, живот — черепицами, отбрасывавшими снизу свой жар. В десяти метрах от дома стреляли фашисты. Один из дружинников пвпрыгнул своей паке. Он возвратился на соседней крыше; черепица валилась до стены, за которой стояли динамитчики Эрнандес и Гарсия. Над ними протянулся наклонная железка луга.

— Нахвата работа, — сказал Мерсерри. В нру вступил пулемет. «Достаточно одной гранаты, чтобы весь наш динамит...» — подумал Гарсия. Мерсерри выпрыгнул, — тогда показалось над стеной. Он был в дробь фашистам только до живота. Они наперобой стреляли по этому невероятному брызбу человека с ватой в ушах, в альбагоном пиджаке, в красном галстуке, пвпрыгнувшего динамит жезтом дисководом.

Соведная крыша взорвалась в диник прохотом. Пока взлетевшие в воздух черепица среди курток свывались вниз, Мерсерри прысец у стены ридом с Эрнандесом.

— Так, ребята! — сказал он дружинникам, которые кричали вольте стены с взрывом динамита. Мерсерри чувствовал, что неподвижность нависла над него страх. Он схватил револьвер, прицелился и выстрелил, выскочу голову из выкрытия. Он снова действовал. От этого страх исчез.

Встрепенувшись, спрыгнул с динамитом. Кисточка на шпотике Эрнандеса терчала против щели в стене, и струя воздуха словно мелочком выворосла ее на другую сторону, липа, шапа угла, Эрнандес был пыским, он нашла ее и помыслов.

Несколько пуль влетело через бойницу перед самым носом Гарсия. Он потупился, нахвачен, трубку и сукут ее в карма. Перелая часть фашистского аяпня взорвалась, как будто под ней была подделена мина. Кровь брызнула из головы дружинника, который рухнул на крышу направо от Гарсия. Его рука все еще взрывала в воздухе динамит. В пустоту, которую заперывал его брызгающий кровью затылок. На подеме к Алькасару, перед кладбище, стоял автомобиль. В ревом свете солнца он казался неповрежденным: два человека сидели спереди, трое сзади, все они не двгались. В десяти метрах лалше лежала женщина, схватившись за голову рукой, другую руку она вытянула (она лежала головой к оврагу).

«В музейном зале бывшего монастыря было все также жарко, и потрещину стоял грохот. Динамитчики и дружинники из подземелья и дружинники из охраны музея поздравляли друг друга.

Гарсия шагнул к своему креслу с указательного пальца святого, поджалка задела, сватой отказывался ее отпустить. Снизу из подвала поднимались. Они были нагружены ризями, слабо блестя зеленоватым золотом и розовый шелк. Дружинники с татуировкой на руке и в старинном токе, сбитом на жатые, регистрировали их.

— Какой смысл в том, что мы только что проделали? — спросил Гарсия.

— Уничтожение этих зданий открывает выход для матржинок. Это, знаете, самое омысленное... А до сих пор мы применяли бомбы с серной кислотой и бензином, запернутые в вату с поташом... Так что теперь...» — Кадеты пытаются еще выжить?

Мерсерри, стоявший рядом с ним, воздел руки кверху.

— Вы находитесь перед величайшей ложью в истории.

Гарсия вопрошительно поглядел на него.

— Кадеты Алькасара — великодушная выдумка для пропаганды. Там внутри нет и двадцати калетов: в день мятежа у военных школ были канюкды. Алькасар защищает гражданская гвардия под командой офицеров Военной школы, Москардо и других... Подбежал еще десатк дружинников, среди них Негус. — Вот они, огнемечники, уже тут.

Проходя по лестницам и коридорам, Эрнандес, Гарсия, Негус, Мерсерри и дружинники дошли до высокого свчатого подвала, полного дыма и грохота взрывов. Вспереди открывался широкий подземный коридор, где лам становился красным. Мимо них бежали бойцы, держа в обаянку или на вытянутых руках ведра с водой. Шум боя все отнесился слышать, и запах трупов был вытеснен запахом бензина. В коридоре находились фашисты.

Оттуда аялас струя из огнемета, фософосцирируя в темноте. Она поливала потолок, противостоимую стену и под, меленно сблываясь, как будто фашист, державший огнемет, все устал поднимая с земли длинные столбы бензина. Ограниченный дверной рамой габля гораящий столб не мог достигнуть ни до протопки ни до левой стены подвала. Несмотря на истощение, с которого дружинники слышали водю стены и брызгающий бензин Эрнандес чувствовал, что они только ждут момента, когда фашисты похватятся в дверях и по неподвижности, с которой некоторые из бойцов встали в стену, он понял, что они готовы отступить. Эта борьба полней ее стихией не была ничего общего с войной. Струя бензина приближалась. Дружинники неистово высклекивали воду на стены, под шест парь и адский камень лампы, полуаудушонным евшим запахом нефти и мытким пещотом огнемета. Сноп брызгающего бензина представлял шаг за шагом, и иступление бойцов удетерялось от голубых конвульсивных огня, образовывавших на стенах грохот скачущих сумасшедших тени. И люди были менее реальны, чем эти тени, и этот едкий туман, превративший все в силуэт, и диник шпот огня и воды, и слабые льющие стоны обожженного человека.

— Я не вижу, — выли он, лежа на полу, — а ничего не вижу. Унесите меня.

Эрнандес и Мерсерри держали его за плечи и тащили в сторону, но он продолжал кричать: «Унесите меня!».

Наконец, огнемет появился в дверях. Негус стоял с револьвером в правой руке и коска двери, прилепившись к стене. Когда медная часть огнемета приблизилась к косяку, он схватил ее руками. Его волосы валились голубым орудом на фоне горящего бензина. Он тотчас же отпустил огнемет, оставив на нем свою кофу. Пули шлепнулись со всех сторон. Фашист сделал рвотой прыжок, чтобы вывести струю огня на Негуса, схватившего его за грудь. Негус выстрелил. Огнемет упал, загорелся о плиты и жеремистые все тени на потолок; фашист закатился над огнем, вылетавшим с потолка из огнемета. Липо его освещало, снгу — пожелтый офицер в фосфоресцирующем бензине. Он стал сползать на землю рядом с Негусом, как в замедленном кино, и свалился головой в струю огня. Струя захватила и отбросила его тело, слоние шинком ноги. Негус повернул огнемет в другую сторону; подвал истел, потрещавший в полку темноты, и одновременно появился диник подвал, по которому уносились тени фашистов.

Дружинники в беспорядке побешали вперед по прямоугольному коридору, куда теперь была повернута голубоватая струя бензина, среди криков и выстрелов. Потом внезапно все потухло, кроме лампы-молнии и электрического флора.

— Они перерезали бензинопровод, когда увидели, что огнемет в наших руках, — сказал чей-то голос. Через секунду он приблизил: — Я знаю, что говорю, я был брадмейстером.

— Стойте! — крикнул Эрнандес из глубины коридора. — В том конце у них баррикада.

Негус возвращался назад.

Дружинники снова зажгали лампы-молнии.

— Еще четверть секунды и... До того, как я выстрелил, у него было время направить на меня огнемет.

— Я глядел прямо на него. Странная штука жизнь...

— Должно быть очень трудно смеж человека живьем, когда он на вас смотрит...

Коридор, ведущий к выходу, казался черным, исключая несмысли прямоугольных дверей в его юпке. Негус алел вприсору. Все, что шел сзади, повторили его движение. Это было возвращение к жизни. На секунду каждый появился в отчетливом отблеске спички или зажигалки; потом все возвратилось в потухнуть.

Они вышли в одну из зал Санта-Крус, превращенных в музей.

— Над облаками появился самолет, — кричали голоса в зале.

Перевод Ирины ЗРБУРГ.

К. СИМОНОВ

Заштатный город

Когда говорят о недостатках, существующих в работе с молодыми, то прежде всего бросается в глаза не основная причина, а частные следствия. К таким следствиям относятся заявления о приеме в союз (проче заявления Алге), по полтора года лежащие в недрах Союза, к таким следствиям относятся мятарства коллектива молодых поэтов при Гослитиздате, — коллектив, которого союз не замечает три года. Таким следствием является цененатская раздача командировок без требования каких бы то ни было отчетов.

Слов нет, Алгевер наверное расстраивает, скажем мягко, безтактное полторагодичное молчание Союза. Слов нет, было бы очень хорошо, если бы руководители Союза вдруг вспомнили о неодолимых просьбах и для укрепления коллектива молодых поэтов выдеили бы в помощь им какого-нибудь «второстепенного» критика или поэта, если б руковоидеры, также неплохо было бы, если б руковоидтели Союза, неослабно выбирая премиями и стипендиями заглянули сами на фанатия коллективна. Было бы совсем хорошо, если бы при раздаче командировок Гослитиздате проявлял меньше мещанствости и больше тревоги расчета, требуя за свои советские деньги настоящей советской работы (кстати сказать, такой тревожный расчет оказал бы огромное воспитательное влияние на целый ряд молодых писателей). Одним словом, исправление всех этих частных недочетов было бы весьма отпадным фактом.

<

ДЖАМБУЛ

Клим Батыр

Я глазу сквозь седые туманы времен,
Я плещу соплями великих имен,
Искандер! На седло променял ты свой трон,
Мы, Рустем! слышал шелест победных знамен.
Кене-хан! ты киргизский народ брал в полон,
Возглавляя казахские военные лапы.
Всех вас мчали кровавой дорогой войны
Белоснежные холщевые скакуны,
Вы думали народы были сильны,
И казались вам слава светлее луны,
И сулила бессмертье вам слава.

Не могу, полководцы, вас с Климом сравнить!
Ежедневно судьба вам могла изменять,
Ежесекунда враги вас могли окружить,
И сжимая в кольцо, без пощады разбить,
Утопить вашу славу в позоре.
Ваши войны народам сулили нужду,
Кандамы да побой, пожар да беду,
Вы топтали посеяны, мешали труду,
Вы с врагами народа жили в ладу,
А народу несли только горе.
Вы бессмысленным каждый военный поход,
Вы боролись за роскошь и праздность господ,
Словно лгавых зверей, прождали вас народ,
От знамен ваших скорбно темнел небосвод,
Там трава не росла, где ступал бы конь.

Войны шли, время шло,
Приходил ваш черед,
Солнце слезы тучежело ишло на заход,
Оперенные стрелы пускали в полет,
Новый десент, являя, объявляя вам поход,
Ваши армии были разбиты.

Липы один Воронцов вы с кем несравним,
Он не знал поражений, он непобедим,
Он народный герой, он народом любим,
Он страну от врагов охранял, наш Клим,
Гордый рыцарь победы и мира.

Его Ленин учил, его Сталин учил,
Его речи, как сердце в груди, горячи,
Он в руках своих держит победы ключи,
От звезды его маршальской рвутся лучи,
Воронцов Батыр вы бы Батыр.

Я для Клим-батыра позарок пишу,
В табуе сосушка хребетная рону,
Я как сына родного, только его,
И кормлю и пою я вволю его.
Зачесть весна — сосунок будет тай!
Будет шерсть его шелкова и густа,
Через год стругиком будет резвый кунан!
Прогретый его слава на весь Казахстан.
А на третья восту всей Советской стране
Будет слышно, что вырост чудесный луна!

Как растут снега, как повеет теплом,
Обучу скакуна я колоть под седлом,
Будет он через горы и степи скакать
Никогда он не будет в пути уставать,
Топковогий, горячий, игристый,
Легендарный тулпар — огнетристый.

Оседлай его, Клим,
И сяди на нем, Клим,
В знак того, что народом ты крепко любим,
А когда зашумит нам названный бой,
Для стремительного удара —
Только дай ты сигнал боевою трубой
В руки сабли возьмет Казахстан мой родной,
Сядет каждый казах на тулпара.

*) Искандер — Александр Македонский.
*) Рустем — Батыр, воеводный Фирдоуси.
*) Кене-хан — один из казахских ханов.
*) Тай — лошадь однопятая.
*) Кунан — лошадь двухпятая.
*) Дуван — лошадь трехпятая.
*) Тулпар — легендарный крылатый конь.

Народный певец

Чудесная книга появилась в руках нашего читателя — «Песни и поэмы» Джамбула. От нее веет просторами степей и гор, богатством силой и мудростью народа, свежестью народной поэзии. Десятогодичный певец-импровизатор полна свое искусство акына на общенациональную высоту. Семьдесят пять лет сложил он свои песни. Огромный опыт жизни, борьбы, мастерства накопил он в своем достойном и благородном сердце. Далеко видна вся родная страна. Он глубоко постиг ее величия, стилистический закон. Хорошо становится на душе, когда прочитаешь эти замыслы вдохновенных импровизаций, эти чистые песни, где плещет облака, текут огромные реки, носятся скака мотушки коней, возводят летящие пастбища-джайлау, ползут трактора по необозримым степям, и над всей этой величавой природой Родины встают образы батырей — батыров труда, мужества, ума, гражданской и военной доблести. Почти столетняя мудрость придала стихам Джамбула какую-то совершенно особую силу и прозрачность, но в них никогда не чувствуешь старости, так сияют они с вечно молодой и вечной силой природы, с древней и молодой силой народа. Все особенное и явления мира вылилось ему ослепительно, и наша страна кажется ему великим и единым живым существом.

И веселая, во всей ее красе и правде развертывается перед его глазами как единое плывущее, ибо его вековому уму сообщилась мудрость волея человечества — Сталина, бесконечно расширяя и углубляя познание старого века.

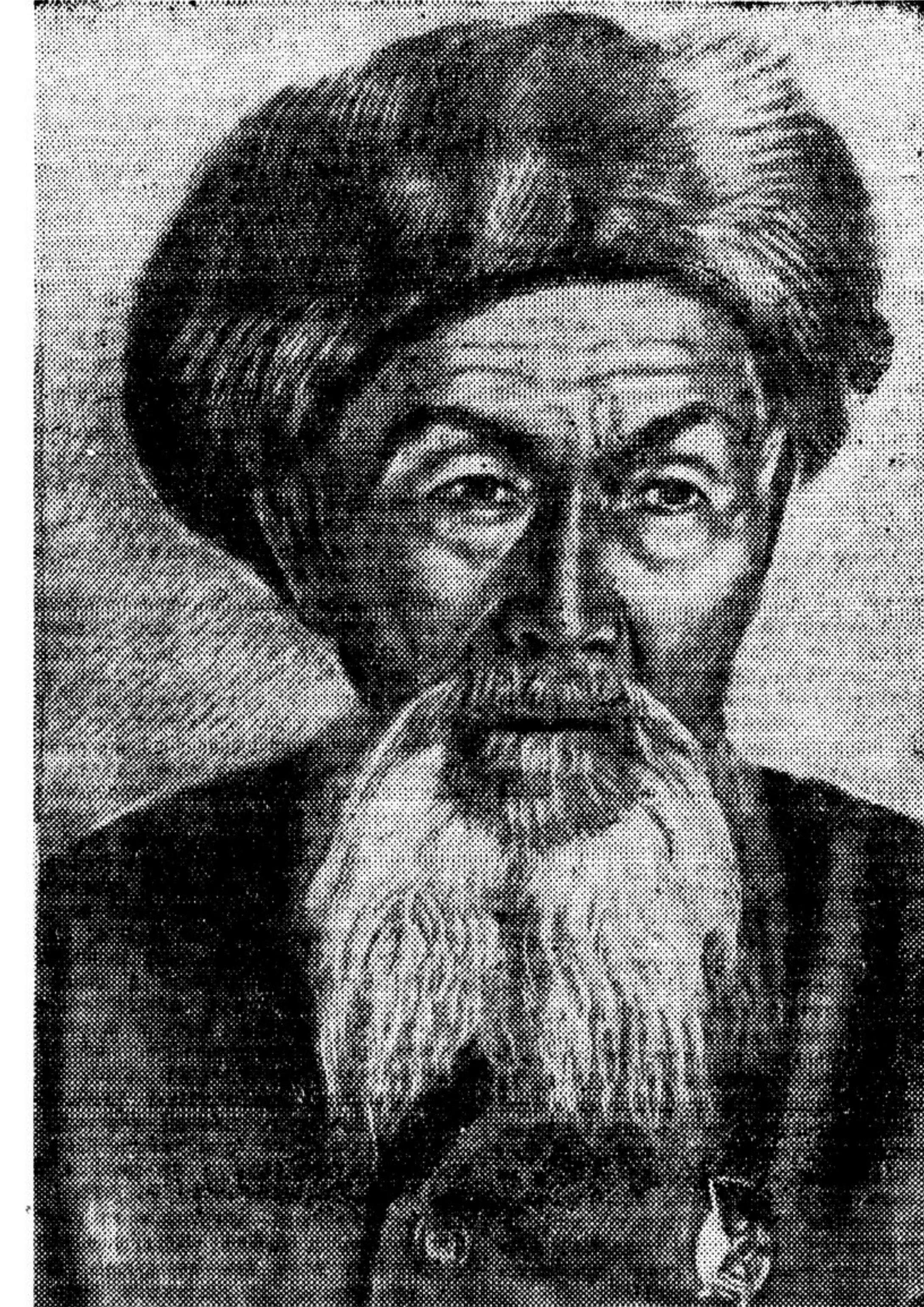
Я в старости вызвал все тайны вселенной,
Красу ее, прелесть и смысл окованный,
И выси хребтов и пространство степей,
И недра земли, и глубины морей.
Мы были слепыми, но зрячими стали,
Глаза нам открыл на вселенную Сталин...
В этом гордом и грогательном утверждении своего «я», — слитность с миром природы и миром великих идей, которая составляет характерную черту творчества Джамбула. «Я стар и сажу, словно беркут, сутуло», — говорит он. Глазом беркута, глазом, привыкшим к большой высоте, смотрит он на землю и людские дела — и видит главное, важнейшее на цветном ковре степей, морей и гор. С великой нежностью воспевают он родную природу, ее весны, лета, зими.

Величавые закаты, сосны, поющие свои дикие песни, голубые пологие степи, зеленые воды Арага — все земная красота и величие в песнях Джамбула, и порой кажется, что это живилось на степях — так прозрачны краски, так много света, лазури и волота в этих строчках. Порой он завораживает пронзающее острое ощущение бытия, жизни, священных мгновением.

Очень хороши у Джамбула красочные описания Казахстана, его богатств, его сил и городов. Он называет родные ему места, сопровождая название каждого края краткой и выразительной характеристикой. И читатель как-то непосредственно и радостно входит вместе с Джамбулом в родной, светосонный, огромный Казахстан. А таком крае счастья, довольства и простоты металла народы, металл батырей, такие, как Утегет-батыр в чудесной легенде Джамбула. Это край — наша родина, добытая в батырском бое. Оттого-то и весь такой веселый уют от описания природы у Джамбула, что радость бытия завоевана героями, — силой народа, неспасаемыми, мощными людьми.

Через всю поэзию Джамбула проходит батырство, волеити народа. Ленин и Сталин, их учения и друзья, их сыновья из самых народных низов. Батырский дух, батырская смелость и ум, батырская отвага, мужество и доблесть — вот, что воспевают, и прежде всего, в человеческом роде. Джамбул.

У Сталина и славою веде и всегда Батыров всеветной борьбы и труда,
Кто вывел народы из века неясности
К высокому солнцу, к широкому счастью.
О них же говорит он и в замечательной песне «Сталинские батыры», их выдвигает он в Верховный Совет нашей Родины, Совет доблестных и мудрых людей страны.
И я выдвигаю батыров в Верховный Совет,
Кто крепче алмаза, острее отточенной стали.

Кто вывел нас к счастью, своим родимым
Кого воспитал нам и вырастил
Солнечный Сталин.
За счастье наш голос, за правду,
За братство народов, за меч
нержавеющей стали...
Пусть первым войдет от народов
в Верховный Совет
Родной и любимой, великий и
солнечный Сталин!

Можно привести много прекрасных строк и песен Джамбула о Сталине. Дела Сталина, сила Сталина, слова Сталина — это тот воздух, которым дышит старый акын. Но лучшее его строки о вожде народов коротки, предельно искренны и афористичны:

У Сталина слово равняется делу.
Так было.
Так есть.
И так будет всегда.
Нет на всей неоглядной планете-Земле
Человека, нужнее народу, чем ты!
Джамбул поет о том, как во всем нашем просторном и гордом советском мире
Сталина является движущим началом,
источником славы и побед, о том,
как каждое наше славное дело мы называем
сталинским из любви к самому родному
делу для нас человеку на земле.
Чье имя на полюсе в снеговой глуши,
Чье имя на самой большой из вершин,
Чье звание имя героя дарят
Река, породнившей моря.

Сталин дал Джамбулу, как и каждому из нас, мечту — сверкающего коня, крылатого коня отдачи и доблести. Сталин думает о каждом из нас, о нашей жизни, наших радостях и печалих, о наших детях. Поэтому лучшим шедевром Джамбула является его «Кольбельная», где он с покорительной простотой и нежностью говорит о детях и о Сталине, о нашем будущем.

Ты шагаешь в глуби земли,
Над реком спишь камыш,
Спят цветы, озера, земля,
Отчего же ты не дремлешь,
Черноглазый мой мальчик?
Засылай, мальчик-казак,
Ты в кистях твоих руках,
Сталин посмотрит из окошка —
Вся страна ему видна,
И тебя он видит, крошка,
И тебя он любит, крошка,
За тебя мне, теплый крошка,
Отдает вся страна.

Ты идешь на омыровой Светлой Родины своей,
О тебе — отца ревнивей —
Сталин думает в Кремле,
Чтоб ты вырос всех счастливей,
Всех умней, всех крашевей,
Всех отважней на земле.

Строки поэта «Песни о змее», «Песня гнева», замечательная «Поэма о народе Ежо» — лучшее доказательство того, до каких высот гражданского чувства поднялся старый Джамбул. Эта поэма — лучшее, что написано о доблести, о суровой чистоте человека, олицетворяющего собой обожженный меч революции.

Батырские родины, ученики Сталина, содвигая новую породу людей мужественных, чистых, героических, молодых, как наша страна. Это люди труда и верности Родине. Они не знают проклятого прощало, — эти молодые батыры нового мира.

К этим новым людям обращено все творчество Джамбула — столетнее старанье и прекрасное поэта. Великий в мире все, что может видеть человек и поэт, он верит в неисчерпаемые, богатейшие силы народа, бессмертного народа, именем которого мы живем.

— Когда я пел о народе, я пел о себе. Когда же я пел о себе, я одновременно пел о народе, — так сказал о себе Джамбул.

Вп. ЛУГОВСКОЙ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КЮХЕЛЬБЕКЕРА

БЕСЕДА С Ю. Н. ТЫНЯНОВЫМ

Даже в литературных кругах весьма слабо представляется себе литературное наследие Кюхельбекера — друга Пушкина, Грибоедова, Рылеева. Сменившие стороны мальчишка Кюхель, первые его поэтические опыты, вызывавшие насмешки лицейских товарищей, заслонила все дальнейшее развитие Кюхельбекера как поэта и политического деятеля. Написанные Кюхельбекером в первые десять лет его литературной деятельности — а этот период в творчестве Кюхельбекера считается наиболее известным, — аналог очень немногие.

Сосем неизвестна большая творческая деятельность Кюхельбекера после 14 декабря 1825 г. Мы не знали всего размаха его творчества во время десятилетнего одиночного заключения в крепости и следующих десяти лет сибирской ссылки. После смерти Кюхельбекера цензура скрывает творения поэта-декабриста от исследователей и читателей. Постепенно сложилось мнение, — оно высказывалось и сейчас, — что в крепости и ссылке литературная деятельность Кюхельбекера угасла.

Этот надо решительно опровергнуть. За двадцать лет крепости и ссылки Кюхельбекер написал свыше пяти больших томов. Творческая энергия Кюхельбекера в эти годы поразительна: в крепости, например, за 52 дня он написал трагедию в пяти актах.

В последние 10—12 лет удалось почти полностью восстановить литературное наследие Кюхельбекера. Его рукописи подтверждают, что именно в годы заточения и ссылки дарование Кюхельбекера стало наиболее ярким, что он был крупнейшим поэтом Рылеева-постом-декабристом.

Литературное наследие Кюхельбекера обширно и разнообразно. Большое место в его творчестве занимают эпос и драма. В одной из камер он создал крупные эпические и драматические произведения. Среди них — поэма «Давид» (около восьмидесяти строк), полная лирических отступлений; это поэма заключенного декабриста, продолжающего мысль жить среди своих друзей-пестов. В другой поэме — «Зоравель» — тема возвращения изгнанных нудеев окрашена мыслью о возвращении изгнанных-декабристов. По энергии стиха, по своеобразию поэтического языка «Зоравель» — одно из лучших произведений Кюхельбекера. Поэма «Юрий и Ксения» посвящена памяти Грибоедова, а поэма «Сирота», героем которой является юный декабрист, посвящена Пушкину.

Интересен цикл философски-фантастических произведений Кюхельбекера. Для его фантастики характерно постоянное обращение

к конкретным историческим и политическим фактам. В сказочной драме «Илья, купечий сын» речь идет о габриэльской колонизальной политике Англии в Греции. Полные сарказма строки Кюхельбекера, написанные сто лет назад, не потеряли своей политической остроты и силы до сих пор. Самым замечательным из драматических произведений Кюхельбекера является историческая драма «Прокофий Ялунув» (1834). Впервые она публикуется в январской книжке «Литературного современника». Эта драма пронизана высокой идеей борьбы за независимость страны, идею верности народу. По стилю и языку «Прокофий Ялунув» — лучшее из того, что написано Кюхельбекером.

Многие называют лишь некоторые эпические и драматические произведения Кюхельбекера. Но помимо эпоса и драм в литературном наследии Кюхельбекера много лирических стихов, любовные переводы исторических хроник Шекспира, чрезвычайно интересная переписка, дневники путешествия 1820—22 г. Здесь имеются первоисточники важности документы, раскрывающие, например, роль Кюхельбекера, как посредника между Гете и русской поэзией, между Бенжаменом Константином и русской радикальной общественной мыслью 20-х годов. Все это представляет огромный литературный и исторический интерес.

Конечно, не все художественные произведения Кюхельбекера равноценны. Об отношении самого Кюхельбекера к его произведениям можно судить по завещанию, написанному Пушкиным под литовку ослепшего поэта 3 марта 1846 г. По поводу «Давида» в завещании говорится: «Пересмотреть В. А. Жуковскому и напечатать отрывками: о «Зоравеле»; «Напечатать как есть»; о «Сироте»; «Шлога и без поправок»; о «Ялунуве»; «Печатать» и т. д. Но в целом литературное наследие Кюхельбекера имеет все основания занять подобное место в советской истории русской литературы.

ОТ РЕДАКЦИИ

Как известно, Институт литературы Академии наук собрался издавать критическое собрание сочинений Кюхельбекера, предполагая при этом использовать чрезвычайно ценные исследовательские и текстологические работы Ю. Н. Тынянова. Но редакционно-издательский совет Академии наук исключил из издательского плана собрание сочинений Кюхельбекера, считая почему-то это издание «шестисороклеточным». Редакция просит президиум Академии наук заинтересоваться вопросом об издании сочинений Кюхельбекера.

Новые материалы об отце М. Ю. Лермонтова

В биографии Лермонтова, вообще мало изученной, остается до сих пор один очень важный пробел: совершенно загадочна личность и жизнь его отца, Юрия Петровича Лермонтова. Между тем, вопрос об отце важен не только для биографии поэта, но и для понимания ряда его произведений, связанных с семьей отца: «Два года в иноческой драме», «Лили и страсти» и «Странный человек», «Эпитафия» 1831 г. и стихотворения того же года «Ужасная судьба отца и сына», а также и драмы «Маскарад». До сих пор не было даже известно, когда и отчего умер отец Лермонтова, где он похоронен. Теперь найдены документы, точно устанавливающие эти факты.

Летом 1937 г. в июне Ю. П. Лермонтова Кропотково (б. Тульское губернии, Ефремовского уезда) поехала по заданию Института литературы Академии наук СССР научный работник М. Ф. Николаева. После долгих поисков ей удалось найти в метрической книге точные записи: Юрий Петрович Лермонтов умер 1 октября 1831 г. от чахотки и погребен в селе Ново-Михайловском (Шипново), в трех километрах от деревни Кропотково, где он жил после смерти жены до конца своей жизни.

Выяснилась попутно и еще одна любопытная деталь. В метрической книге 1831 г. в графе об умерших в октябре записано: «Первого числа корпус капитан Евтхий Петров Лермонтов, несудящийся, вдовый». Итак, официально, крестильное

имя отца было не Юрий, а Евтхий. Это подтверждают также и другие документы. В перконовской книге с. Тархан от 1826 г. Михаил Юрьевич Лермонтов (ему было тогда 12 лет) записан Михаилом Евтхийевичем. Имя Евтхий было родовым в семье отца. В XIX в. оно уже звучало слишком старомодно и как его часть было оставлено в официальных документах, а в быту было заменено другим, более светским.

В записке, поданной в Институт литературы, М. Ф. Николаева описывает кропотковский дом, в котором был и М. Ю. Лермонтов. Деревня Кропотково находится в 20 км от г. Ефремова. Деревня небольшая, является одной улочки по низу горы. От деревни начинается фруктовый сад, поднимающийся в гору на 2 гектара и полдюжины к дому. Дом стоит на вершине горы-одноэтажная, деревянная, обшитая тесом, очень простой архитектуры. Минувшей весной Володинский рик хотел продать дом Ю. П. Лермонтова на слом; за сделку до поломки в Кропотково приехал бывший учитель, телеграфировавший в соответствующие организации, и дело остановили. Теперь собираются сделать ремонт, но сначала надо решить вопрос о будущем назначении дома. В доме семь комнат (одна из них, по преданию, была комнатой поэта), и его вполне можно приспособить для библиотеки-читальни и местного музея.

Проф. Б. ЗИХЕНБАУМ.

М. ЮНОВИЧ «Пушкин» Юрия Тынянова

Первое место в пушкинской юбилейной литературе занимает роман Тынянова — «Пушкин».

Роман получил самую широкую популярность, горячее признание читателей, единодушно-положительные отзывы критика. Неослабевающий интерес к нему говорит, что это признание не случайно. Книга эта представляет выдающийся интерес как историко-литературный роман. В его «свободную», вымышленную раму» Тынянов ввел эпоху и ввел не как фон, на котором выступают главные действующие лица. Эпоха в романе Тынянова действует, она выдвигает героя — Пушкина. Все в романе, начиная от рассказа о крупнейшем историческом событии того времени — войне 1812 года и кончая деталями бытовых картин, пронизано духом истории. Ее силы живут в непримиримых картинах быта, в образах спавленных писателей и деятелей. Война 18 года и литературная война между «славянами» и «европейцами», императорский двор и равнинные дворянские усадьбы, пыльные помехи, крепостные, Александр I и Сперанский, Карамзин и Малиновский, Василий Львович Пушкин и многие другие — законодатели и любители литературы в картине, исполненной движения, проходят перед читателем. Образы эти интересны не сами по себе, хотя многие из них переспективно закончены; все они входят в глубокий замысел романа о Пушкине и не только делают живой и понятной действительность пушкинского времени, но входят в историческую закономерность — в эпоху, породившую великого поэта.

Дух пушкинского творчества овеял образ острого поэта в романе Тынянова. Рождение поэта показано в том, как он слышит мир. Он «слышит» слушает, изумительно чуток к гармонии.

Мы верим этому образу, как верим настоящему созданию искусства. Таким должно быть рождение поэта, который стал неinem гармонии, который не отделил гармоничности стиха от его смысла и заставил музыкальное богатство мира, музыку мысли звучать в точном слухе. Этот «слух» слушавший мальчик как бы проощая великого Пушкина, который «внял... неба болдогание, и горный ангелов полет, и гад морских подводный ход, и дольней лова прорывание...». Этот мальчик, всем знакомый, как «брюшок» — чувствующий стиха, так, что

стихи влетают в первые чувственные стихи, этот отрок, бледнющий при чтении исполненных гармонии строк Батюшкова, — прообраз великого поэта, для которого «супонье» гармонией было «наследием», который говорит: «яз наслаждений жизни одной любви музыка уступает; но и любовь мелодия...»

Рождение поэта показано в том, как он принял войну, объявленную ему родительским домом.

Пушкин рос любимым ребенком; он был «ничем неубиенным», непохожим на светское дитя, он не наполнил «щебетальным» родительский дом. Мать угнетала его, тупой губернатор завладела над его первыми стихами. «Нестерпимое состояние», — писал впоследствии Пушкин о своем детстве в автобиографической заметке. «Нестерпимое состояние» ребенка и пробуждение детского сознания и воли показаны в романе. «В двенадцать лет, в своем наряде, сшитом домашним портным, с острыми локтями, он казался чужим в своей семье. Как затравленный волчонок, полбежавая глазами, он шел к утреннему завтраку и с приваждением деловал у матери руку... В двенадцать лет он беспощадно судил своих родителей холодным, отроческим судом и осуждал их».

Тынянов прав, когда роду и семье — среде в которой вышел Пушкин, уделяет так много внимания. На первый взгляд удивляет непропорциональность частей: сдержанно, как-то по-особенному осторожно, окупно дан образ Пушкина и войно, широко даны картины быта и нравов эпохи. Но это не просто бытописание, увлекательное колоритными фигурами, жизненность и живость рассказа, это не просто изображение психологической и социальной наследственности. Это — эволюция, рассчитанная на продолжение романа, глубокая историческая перспектива, выходящая в яду не только отроческие годы Пушкина, но и весь его творческий путь.

Расширивши дом родителей, легковесная известность родственника из «бывших Пушкинских» — все эти образы дворянского происхождения — одного из основных общественных процессов того времени. Тынянов раскладывает этот экономический и социальный распад.

«Отцы» — Пушкины — «смылки», по определению их матери. Тыняновская насмешка их преследует. Тынянов преследует разорение барства, разрушая «смыльные обманывающую» культуру, обонжая марам драхлеющего класса. В его насмешке, такой легкой на первый взгляд, нет ни тени снисхождения. Дворянские образы — от столотловидного «ангела» — императора до наследника «бывших Пушкинских» исполнены убийственным сарказмом; это протеста, призывание на память сатиру Шедрина. Сатирическое изображение дворянства не ново, конечно, в русской литературе. Но то, что в печально-омерзительные картины предельно родительский дом Пушкина, родная ему среда, то, что в романе о Пушкине язва на насмешки пропалась не только по космическому даде-посту, но и по «сметру» — Карамзину, — это настоящее художественное открытие Тынянова.

Пушкин вырастает как отрицание «смылки» людей, бегавших за высшим светом, у которых, как у высшего света, было два лица: одно — «дилого барства», хищнически-коростника, другое — чувствительное лоббеанка, приятного «смылка дамам». Эти люди душили поэта с первых дней жизни до последнего смертного часа. В отрочестве он отравлялся от них, отверг в своей душе. Когда юным лиристам объявляют, что их отпустил домой только после окончания лицея, многие из мальчишек плачут. «Александр с любовью смотрит на них поспривавал. Потом он вспомнил голую стену детской комнаты, уютный в пестике, отпа — нахмурился... Ветером, дожась спать, он вяла толк Вольтера, который сунула ему Арина, прочел краткое стихотворение о Френе, которого укусил змей, от чего ялох змей, а на Френе, улыбунулся от удовольствия и прижал книгу к щеке. Она была в ветром кожаном переплете: кожа была теплая, как старушкин шека. Он еще улыбунулся и заснул». И в «строю двенадцатого года» крда дети особенно остро ощущали давляку с волыны. Пушкин остроощущал не жалую, а янскую Арику. Да еще дорогу на Мескин в Петербург, похому, вероятно, на все зорные родины, по которым скакали ступе лошади, чужие наречия — «валитики». Эта мысль «ягюллка» его. Мы верим этим детским воспоминаниям, и чувствуем: они являются нам естественными, в них — великий Пушкин, который крепостную янскую

называл своей мамой и для которой родной была не усадьба, а страна и народ.

Сатирическое изображение дворянства — реальным лиц того времени — тем более замечательно, что роман строго достоверен. Не преувеличивая можно сказать, что во каждом образом стоит документ, и все образом созданы на основе такого полного и всестороннего знания эпохи, которое позволяет писателю видеть и деревья и лес.

Тынянов неизменно следует известной пушкинской «Программе записок», охватывающей детские и лицейские годы, он идет путем, который указан Пушкиным. Этот счастливый и верный замысел Тынянов осуществил, проверяя свое восхождение пушкинскими биографиями творчества поэта. Это и есть историческая проверка в самом глубоком смысле этого слова.

Пушкин-отрок, осуждавший родительский дом, в то же время — «наследник всех своих родов» — не потому только, что он не только и плывал от «карнаки» от первого «строю» и страстный характер; он наследник «бывших Пушкинских», о которых говорят: «Им Пушкиных благоразриствует остроумие — эсприт, и любовь к словесности в вашей стране». Мальчик-Пушкин — наследственный стихотворец; его отец считал себя поэтом, являл бы поэтом, их друзьями были поэты, в их доме любил словесность. «Александр привык в отцовском доме к разговорам о стихах; особый бласк в глазах появлялся у дяди, отца, друзей их, когда они говорили о стихах, театре, женитицах и счастья в картах. Счастливый стих вызывал себя, восхищение, зависть... На глазах у Александра писалась поэма дяди «Опасный сосед», на глазах у него шла литературная война. Он видел листки, на которых еще не высколи чернилка; он знал, что поэты хвастант, когда стихотворение улеается. С первыми неизамыслимыми впечатлениями детства пришло сознание важности поэзии и это Пушкин вял в наследстве из родительского дома, так же как вял стиховую культуру, вкус, которым гордились для Василья Львовича. Такой один из обликов в портрете Пушкина-отрока. Это правдивый образ: он психологически закончен, это — прообраз Пушкина, который рано осознал себя и по приравнанию и по месту поэтом, который еще ютшей нехваткой явления «бывших» своих стихов в тынъяновском отроке Пушкина как бы явет величия Пушкин, который выступил революционером языка и поэзии во дворучении стиховой культуры, который лирику эту освободил от юбого назначения — служить светскому эстрословию, ублажать чувствительных крепостников и их «смылки дамы».

Известно, что Пушкин боролся, и вся его деятельность была направлена не только против «староверов», «славяно», но и против «европейцев» — учеников и последователей Карамзина, культивировавших салонную светскую литературу. Пушкин извлекся над ней — литературой, писанной «для улыбки прекрасного полу, для «карсетных дам», он высмеял ее идельное убожество, манерность, «шротомыслие» взамен «просторечия».

Тынянов изображает литературную войну шиконистов с карамзинистами наиболее сатирично. В его романе предметом самой зиятельной насмешки являются не столько сухопутный адмирал Шипков и алоистный граф Хвостов, но и автор сказанного в свое время «Опасного соседа», Дмитрий — не то министр, не то поэт, и сам «пророк изничтогов». Естественно возникает вопрос: верно ли это сатирическое изображение литературного направления, подготовленного поучу для расцвета гения Пушкина? Верно. То лучше, что созидала школа Карамзина, оценено по достоинству и историческому значению. А вместе с тем Тынянов показал, именно показал, как это делает художник, создавший живым образом личность и дело поэта, уяснил ограниченность культуры карамзиниста.

Роман Тынянова — исторический, биографический, историко-литературный, роман об идеологии.

Интересна фигура Карамзина Тынянов рисует его идеологом, которому в высшей степени присуща способность улавливать дух времени.

В духе времени он создает культ сельского уединения и чувствительности. Вель: «Мир разрушался; веде в Россия — уроласть, горные порою, чем французское злодеяство. Подно мечтать о счастья человека счастья!» Когда же в духе времени яственно выступает «существование» — основные интересы класса, — «пророк изничтогов» пишет доносы на Сперанского и «Залиску» от старой и новой Россия.

Первые воспитатели Пушкина. От Куниных впервые услышал Пушкин о человеческом достоинстве, от Малиновского — о достоянстве русского народа — защитника родины.

Тынянов прав был, когда в статье «Личность Пушкина» писал, что историография лицея просмотрела первого его директора и главную роль принадлежала Эльзбегеру, ставленнику Аракчеева. Писатель исправил историографию. Образ Малиновского в романе — художественное открытие, важное не только для понимания развития Пушкина, первых его лицейских лет. Малиновский — друг и ставленник Сперанского, друг Кунинина, как представитель новой дворянской России, ее национальных сил входит в большую историческую перспективу романа.

Вот почему Тынянов уделяет Малиновскому так много внимания. Он противопоставил дворянству. Вещальнее на Москве дворянство показано, и правдиво показано, все тем же мерзостно-пустым, бесчестно-праздным. Малиновский живет и дышит военными сообщениями. Он верит в силы народа.

Мы далеко не довели до конца анализа романа. Стиль его, художественная манера Тынянова, передающая дух эпохи, и совершенно чуждая стилизация, заслуживают специального исследования.

Тынянову удалось то, что составляет главную трудность в историческом художественном произведении: он показал Пушкина неповторимым, ярким, многогранным, искрящийся индивидуальностью, гениальным отроком, чья глубокая личность рано славилась, отроком, осуждавшим янскую среду и своим своим века. Мы видим развитие Пушкина — его чужд характер и лавования, тех свойств сознания, которые обещают гения народного поэта.

Тынянов пишет эпоху, изображенную в «Войне и мире». Освещение истории, ее крупнейшей событий, ее выдающихся деятелей у Тынянова, принципиально иное, нежели у Толстого. Он написал историю самым «домашним образом», так, как говорил Фет о Толстом, — не со стороны народного, шитого золотом мушкетера, а со стороны рубашки, которая к телу ближе... «Домашность» не заслонила больших дорогов истории в романе Тынянова. И потому, что это правдивая художественная история, она раскрывает смысл происходящего в определенный конкретный период — обьяняет развитие юного Пушкина — и озвучает путь будущего — деятельное явление Кюхельбекера. В этом — художественная завершенность первых частей романа.

Театр-Кино-Музыка-Живопись

Дмитрий Шостакович

«Я хотел бы, ради забавы, провозгласить три простых истины: никаких особенных искусств не имеется; не следует давать имя искусству тому, что называется так; для того, чтобы создавать произведения искусства, надо уметь это делать».

В этих веселых истинах здравого смысла, перед которыми мы так грешны, можно полагаться великим именем Пушкина.

Эти «веселыми» словами смертельно больной Александр Блок закончил свою речь на Пушкинском юбилее в 1921 г. Слова эти полезно вспомнить всякому, кто судит о произведении искусства. Особенно полезно их вспомнить критику, когда он собирается дать автору тот или иной совет.

Чехов как-то жаловался, что на полустарости прочитанных им рецензий, в большинстве ругательных, он не выволакивал ни одного доброго замечания, ни одного похвального слова. Конечно, давать хорошие советы не так-то легко. Это тоже «надо уметь» делать».

Мы, критики и судьи, до сих пор еще часто грешим против здравого смысла. Мы нередко случаем о культуре, забывая, что в конце-то концов искусство нас судить будет. Суд этот совпадает с тем, что мы называем судом истории. И в этом равнина между искусством и «тем, что называется так».

О Д. Шостаковиче можно так же уверенно сказать, что он умеет делать произведение искусства, как мы уверенно говорим, что Громов и Чкалов умеют летать на самолете.

Огромные природные данные, трудолюбивость, влияние советской действительности (вспомним статью «Правды», с большевистской прямой и решительной обрушившейся в свое время на формалистиче-

ские увлечения композитора) — все это привело к тому, что Шостакович создал на пороге зрелого возраста произведение, исключительное по мастерству, значительности, глубине мысли, цельности концепции, произведение трагедийное по существу, в котором пафос страдания, борьбы и победного ее завершения воплощен с огромной ясностью и силой.

Теперь, когда мы знаем 5-ю симфонию, нам особенно отчетливо виден путь, пройденный композитором от первых его юношеских опытов (сюита для двух ролей), через 1-ю симфонию, фортепианную сонату и мелоч, через 2-ю и 3-ю симфонии, балет, фортепианный концерт, через оперы «Нос» и «Катерину Измайлову», через театральную и киномузыку до этого наиболее совершенного произведения.

Уже самые ранние сочинения (1-я симфония была написана в 17-летнем возрасте) свидетельствовали о силе дарования Шостаковича. Необычайная ясность, конкретность и оригинальность музыкального мышления, богатство музыкального словаря, уверенность технических приемов, не оставляющая никаких сомнений насчет намерений автора; какою-то почти физическая осязаемая «быстрота соображения», нанивая логика, собственная в олимпийской мере четкость и великий ум. А главное: неподражаемое умение «найти нектар и амброзию» в самом неприглядном предмете (например, современную поэзию) и вставить его в ритмический рисунок — все эти и многие другие редкие качества составляли тот удивительный сплав, который мы кратко зовем талантом Шостаковича.

Как всякий большой талант, он много изобретает, а следовательно, экспериментирует. Некоторые из этих экспериментов казались «суставившимся стилем Шостаковича». На самом деле композитор только испытывал свои силы в неизведанной области и, добившись желанных результатов, шел дальше, находил для свое-

го творчества новые пути, никогда не переправляя прежнего, никогда не возвращаясь к пройденному этапу. В этом тоже неопровержимое доказательство силы его таланта.

Он гнушается «пророком» еще меньше, чем Прокофьев; музыкой может и него стать все, что угодно, — человек, природа, весь необъятный мир великих и малых вещей. «Все познаваемое — музыкально».

Для людей, которым особенно близок Скрябин с его экзотичностью, с его стремлением все земное превратить в «сдух» (сгореть в пламени собственного вдохновения), с его необузданным воображением и нестрогим, неясным интеллектом, — для этих людей вред ли творчество Шостаковича может быть понято и вразумительно. Но и они должны будут признать, что в музыке Шостаковича больше реализма, больше ясности, больше ума, что он лучше владеет большой формой, лучше инструментально, что язык его свежее, новее, оригинальнее.

Шостакович, успешно переработавший влияния Стравинского, Прокофьева, Хиндемитта, Малера, отдал дань и крайнему интеллектуализму (например, в сонате оп. 12), и натурализму (в опере «Нос»), и формализму (в опере «Катерина Измайлова»). Он умел смешить и дразнить, музыкально остроумить и рассказывать анекдоты, но он научился также трогать своей искренностью, проглядываясь, глубиной и четкостью мысли. В своей 5-й симфонии Шостакович, очевидно, окончательно выходит на дорогу большого идейного и эмоционально-назначенного искусства, достойного нашей великой эпохи.

Профессор Г. НЕЙГАУЗ.

«Если завтра война...»

Ночь. Наша столица мирно отдыхает после рабочего дня.

Пограничники горко охраняют границы советских рубежей.

Под прикрытием ночи военные части соседнего государства перешли советскую границу. Противника пытается задержать советский пограничник, но он падает, раненый предательской пулей врага. Первая жертва фашистских агрессоров. Подоспевшие части нашего пограничного резерва задерживают противника и дают ему должный отпор. Противник переходит к обороне. Враг пускает в ход авиацию, которая подвергает бомбардировке наш пограничный город. Навстречу фашистским самолетам летят смелые советские истребители. Они уничтожают воздушные силы фашистских налетчиков.

Противник своими танками пытается провалиться в глубь нашей страны. Советское правительство объявило состояние войны...

По призыву вождя нашей партии и правительства со всех сторон неограниченного Советского Союза поднималась на защиту социалистического Отечества вся страна, поднимались миллионы.

На заводах проходят массовые митинги, валом добровольцев в Красную Армию. Записываются мужчины и женщины, старики и юноши. Мы видим нашу военную молодежь, старых партизан, шедших в боевом порядке по Красной площади. Мы видим, как в солнечной Грузии, на Кубани, на Дону, в украинских и русских колхозах, во всей стране миллионы трудящихся, советский народ в едином порыве идут на защиту социалистической родины. У всех на устах одна песня:

На земле, в небесах и на море
Нам навек и могуч, и суров,
— Если завтра война,
— Если завтра в поход,
— Будь сегодня к походу готов.
В целом мире нете нету силы такой,
Чтобы нашу страну сокрушила;
С нами — Сталин родной, и железной рукой
Нам к победе ведет Ворошилов...

Эпический бойцов Красной Армии двинулся на фронт. Быстро мчится поезд. На всех станциях и подстанциях бойцов восторженно приветствует население.

На фронте. Красная Армия перешла в наступление. Противник атакован со всех сторон. Метко бьет наша артиллерия. Советская авиация в тылу врага выбрасывает воздушный десант. В бой вступают наши могучие танки. Когда нехота противника дрогнула, в бой бросается героическая красная конница для окончательного разгрома врага и для ликвидации сил противника на его территории.

В это время в тылу у врага начались восстания. Иностранцы рабочие не хотят войны с Советским Союзом. Они демонстрируют против войны и возглавляют: «Долой фашизм! Да здравствует пролетарская революция! Да здравствует Советский Союз!»

Такое содержание нового оборонного батального фильма «Если завтра война...», над которым работали в студии «Мосфильм» режиссеры гг. Л. Анци-Половский, Г. Верезко, И. Карманский, под художественным руководством режиссера Ю. Дегтяря.

Перед нами стояла задача, — говорит в беседе с нашим соотечественником режиссер Т. Анци-Половский, — показать в фильме «Если завтра война...» первые 2-4 дня в нашей стране в случае попыток агрессоров нарушить нашу границу, наше мирное строительство. Что же будет тогда в нашей стране, если это случится? От пограничника, который ночью первый видит врага и дает ему отпор, до миллионов трудящихся нашей страны, встают на защиту социалистического Отечества. Мы стремились найти пути создания нового жанра в кино — батального документального материала. Длинный фильм использовать в кинотеатрах, военно-учебные художественные фильмы, всесторонне последние два года. Часть материала мы специально доносили.

Музыку к фильму написали композиторы братья Покарсы. Песня — В. Лебедева, Кумача. Автор основного текста — М. Светлов. Главный оператор фильма — Е. Федюк. Режиссер-монтажер — Е. Аллуверья. Консультант полковник И. Альбрехт.

Фильм «Если завтра война...» будет вышущен на экраны Союза в 20-летнюю Красной Армии и Военно-Морского Флота.

А. И.

Кадр из фильма «Детство маршала».

«Детство маршала»

Новая художественная звуковая картина «Детство маршала» рассказывает о детских годах Семени Михайловича Буденного, продвигших им в казачьей станице.

Фильм в художественной и интересной форме знакомит нас с биографией одного из выдающихся полководцев страны.

В картине играют дети, заполняющие

фильм живыми, массовыми сценами. Дети играют искренно, непосредственно.

Юный артист Вася Байков создал яркий образ Сени Буденного.

Режиссер картины М. Лебедев совместно со сценаристами И. Всеволожским и Л. Мур работает сейчас над второй серией трилогии, в которой будет показана юность т. Буденного.

Таланты Красной Армии

Красная Армия и Военно-Морской Флот — родник замечательных талантов. За последние годы особенно выросла красноармейская художественная самостоятельность. В Ленинграде, Киеве, Харькове, Тбилиси, Саратове при многих домах Красной Армии, по образу Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски СССР, созданы десятки ансамблей красноармейской песни и пляски. Эти ансамбли уже овладели мастерством музыкально-хорошего искусства.

В Красной Армии и Военно-Морском Флоте есть такие отличные хоры, как вокальный ансамбль Московской Краснознаменной Пролетарской стрелковой дивизии, хор Полтавской военной школы, сводный хор Московского гарнизона, хор Краснознаменного Балтийского флота.

Неоднократно с радостью слушал я в частях Красной Армии оркестры народных инструментов, красноармейские коллективы и ансамбли симфонических оркестров, исполняющие классические музыкальные произведения, коллективы исполнителей народных плясок — украинской, русской, белорусской, а также замечательные красноармейские коллективы народных плясок национальных частей республик Закавказья.

Вся красноармейская художественная самостоятельность блещет полнотой мастерства, вселив, живая естественность. Воен. командиры, жены начальствующих составов — это активные участники художественной самостоятельности нашей славной Красной Армии.

Кто из нас не знает замечательных талантов, вышедших из Красной Армии? Трое бойцов — лучших танцоров ансамбля красноармейской песни и пляски — т. Седелский, Поваров и Золотухин пришли к нам в Московскую Пролетарскую стрелковую дивизию. Замечательный танпоз тов Терентьев приятен в наш ансамбль из Краснознаменного Дальневосточной Красной Армии. Краснофлотец — солист ансамбля тов. Твердохлебов, хорошо известный советскому зрителю и радиослушателю по концертам, пришел к нам из Краснознаменного Балтийского флота. С ним же вместе был принят в ансамбль бодей — известнейший плясун тов. Расчепин, который неоднократно получал награды от наркома обороны т. К. Е. Ворошилова за свое огромное искусство. Солдат ансамбля — артистический т. Твердохлебов обладает прекрасным голосом (тенор). Он с большим

мастерством исполняет классические произведения и народные песни. Красноармейский и рабочий артист всегда восторженно встречает выступления т. Твердохлебов, талантливого исполнителя песни «Метельца», «Валенка моя» и другие.

Краснознаменитый ансамбль красноармейской песни и пляски СССР существует около десяти лет. За это время ансамбль побывал во всех уголках Советского Союза. 200.000 километров — вот путь, который проделал ансамбль от Белого моря до Тихого океана, от Черного моря до Каспийского. Концерты нашего ансамбля слушали миллионы — бойцы, командиры, рабочие, колхозники. Ансамбль побывал во всех уголках Красной Армии.

Краснознаменитый ансамбль красноармейской песни и пляски СССР имеет в своем составе лучшие таланты Красной Армии и Военно-Морского Флота. Являясь детищем Красной Армии, ансамбль держит тесную, нерушимую связь с армией и ее доблестными бойцами. Мы черпаем в Красной Армии замечательные темы для наших песен, записали много песен от бойцов, создали новые песни.

К двадцатой годовщине Красной Армии и Военно-Морского Флота наш ансамбль готовит новую программу. В юбилейные дни ансамбль будет исполнять: «Песню о Сталине» (на текст поэта С. Кольчезера), «Песню о Ворошилове», «Песню о Буденном» (на текст поэта С. Альмова). Музыка к этим песням написана мною.

Краснознаменитый ансамбль красноармейской песни и пляски СССР исполняет уже немало песен советских поэтов. Это песни: поэта В. Лебедева-Кумача «Если завтра война...» (музыка Д. Покарсы) «Жить стало лучше» (музыка А. В. Александрова), М. Голдотера «Партизан Железняк» (музыка Блантера), М. Рудермана «Тачанка» (музыка Листова), О. Колчезера «Боевая красноармейская» «Шахтерская», песня С. Альмова, «Под флагом наркома» (музыка Ю. Хайта).

Но многие советские поэты еще не работали в этом направлении. Между тем они могут и должны создать для нашего ансамбля новые песни о Красной Армии и Военно-Морском Флоте.

Мы ждем этих песен!

Народный артист СССР проф. А. В. АЛЕКСАНДРОВ.

Начало см. 1 стр.

Марина. Доктор, наблюдайте за ним, что он будет делать. Я его знаю... он страшно упрямый человек.

(Марина ушла. Является Ефим.)

Ефим. Товарищ врач, у вас нет порошков для нахальства?

Кс. Ал. Для чего?

Ефим. Для нахальства.

Кс. Ал. Я вас не понимаю.

Ефим. Какая вы строгая. Я сказал шутку и жалел.

Кс. Ал. А зачем вы сказали шутку?

Ефим. Ходите вы залучившая... иногда на берегу сидите одни, а мы веселые... Мне было бы очень приятно видеть вас такой же, как мы.

Кс. Ал. Неужели я так выделяюсь? Вы заметили?

Ефим. Замечал.

Кс. Ал. Скажите, это наверно хорошо? Ефим. Почему же хорошо? Я этого не говорю. Только обидно, — все здесь веселое, а вы как-то одна в стороне.

Кс. Ал. Почему же вам должно быть обидно?

Ефим (смущенно). Ну, не обидно, а так... ну, не знаю я.

Кс. Ал. А зачем же вам нужны порошки для нахальства?

Ефим. Чтобы убит чувство стыда перед Назаром Ефремовичем. Ведь он мой любимый человек, и я его выдал.

Кс. Ал. Вы наверно очень преданный в другом человеке.

Ефим. Вы замечали, как гуси летят осенью в те страны прекрасным небесным коллективом?

Кс. Ал. Замечала.

Ефим. Такой же я.

Кс. Ал. Не понимаю, — какой? Как гуси вы?

Ефим. Я чувствую это, а вы... но вы из города, там птица в магазинах бьется продажно.

Кс. Ал. Вон как!

Ефим. Ивините, по-простому рублем.

Кс. Ал. Не очень по-простому.

Ефим. Раз на раз не приходится.

Кс. Ал. Скажите, у вас есть образования?

Ефим. Есть.

Кс. Ал. Какое?

Ефим. Незаконченное.

Кс. Ал. А какую школу вы закончили? Ефим. Сельскохозяйственный институт.

Кс. Ал. Как?

Ефим. Институт.

Кс. Ал. Вы бросили учиться в институте?

Ефим. Летом никто не учится.

Кс. Ал. Значит, вы студент?

Ефим. Нет. Я — колхозник.

Кс. Ал. Как это понять — колхозник?

Ефим. Очень просто.

Кс. Ал. Интересно. Объясните.

Ефим. С удовольствием... Назар Ефремович сюда идет. Не могу я ему сейчас попятиться на глаза. Простите, пожалуйста, что вы, товарищ доктор, колхозников знаете через дворянок и молочниц. Нельзя так поступать с ними. Не идет вам.

(Ушел. Является Назар. Он несет картину, репродукцию Леонардо да-Винчи «Джоконда».)

Кс. Ал. Позвольте мне хотя бы эту картину почитать?

Кс. Ал. Покажите, что это такое? Назар. Пожалуйте.

Кс. Ал. Слушайте, это ведь «Джоконда».

Назар. Картина, вижу, дорогая, а рама испортилась. Разрешите переделать раму.

Кс. Ал. Наверно это очень хорошая копия «Джоконды». Откуда вы здесь?

Назар. Здесь живые сазаны под стеклом плавали.

Кс. Ал. А вы что же, любите художественные картины?

Назар. По правде сказать, не знаю.

Кс. Ал. Подлинник этого портрета писал великий живописец Леонардо да-Винчи.

Назар. Все может быть.

Кс. Ал. Посмотрите вдали на улыбку этого лица, и вы поймете секрет картин.

Назар. Слушаюсь.

(Назар отходит и смотрит.)

Кс. Ал. Смотрите пристально и отходите.

(Назар.)

Кс. Ал. Ну, заметили что-то особенное? Назар. По правде сказать, не заметил.

Кс. Ал. Не может быть, чтобы вы не видели улыбку «Джоконды».

Назар (сам улыбнулся). Улыбочка, конечно, есть.

Кс. Ал. В этом весь секрет.

Назар. Так что же, можно мне над ней немного поработать?

Кс. Ал. (пожала плечами). Работайте.

Назар. Благодарю вас.

Кс. Ал. Странный вы человек.

(Ушла. Назар осматривает раму картины, потом тщательно вытирает холст, ставит картину к перилам, отходит, выбирает удобное по свету место и смотрит на изображение Монны Лизы.)

Назар. Улыбочка, конечно, есть... (Оглянулся, нет ли кого, и опять смотрит на картину.) Ишь ты... артистка. Намекает ведь! А? (Пошел прочь и снова оглянулся.) Что вы скажете? Изображение только, крася, а ведь она ей-богу не мертвая... Я тебе, артистка!

(Повернул картину лицевой стороной к стене и ушел. Является Иван Гаврилович Коршун. Он в праздничной казачьей форме. Сел на порожи, напевает старинные запорожские песни. Смотрит на деревья.)

Коршун. (вдруг). Киш, слушаю! Ох, проклятая галка! Киш, слушаю! Вот же вредная порода, Киш, говорю вам!

(Находит пилку, бросает ее на деревья. Наблюдая за произведенным действием. Является Назар с кое-каким инструментом.)

Назар. Слышу же, товарищ, зачем же вы пилками в людей кидаетесь?

Коршун. Я дилую птицу с сада гоняю.

Назар. Вы мне по суду колод ударили. Если бы не карта, посулите сами, к чему это?

Коршун. Разве же я знал, что вы свою голову под мол кол подставляете?

Назар. Нехорошо у вас привычки.

Коршун. Ладно, друг, на месте твоего порода! (Назар.) Руки худые без дела? Назар. Мучаюсь, как рыба на берегу.

Коршун. А ты спи.

Назар. Выспался.

Коршун. Я тебя не видел. Долго ты тут?

Назар. Теперь пошел третий день.

Коршун. Понимаю. Органам дела просят. Это я испытал. Скоро кончится. Я теперь другой раз отдохну по распоряжению товарища Сталина.

Назар (недоверчиво). Как же это так — по распоряжению товарища Сталина?

Коршун. Ты в Кремле за прошлую зиму был?

Назар. Ну, был.

Коршун. И я был.

Назар. Так что же?

Коршун. Ты снимался с товарищем Сталиным?

Назар. Снимался.

Коршун. И я снимался.

Назар. Он со многими делегациями снимался.

Коршун. А со мною рядом сидел.

Назар. Былает.

Коршун. И мою речь он слушал.

Назар. Он и мое слово слушал.

Коршун. А про меня он сказал: «Вы этого человека берите, такие люди нам нужны».

Назар. До сей я в Крыму жил, а теперь здесь отсюда.

Кс. Ал. Вам это надо, вы человек старый.

Коршун. А ты мои метрики читал?

Назар. Не обижайтесь, так вышло.

Коршун. Давай ударимся с тобой один за один, тогда ты скажешь, старик я или молодой?

Назар. Зачем же я буду драться с вами? Я на вас не злой.

Коршун. Давай любя.

Назар. Какая же это драка — любя? Только пыль поднимить.

Коршун. Ну, давай бороться. Могу на тебя или только по-турски.

Назар. Какие мы борцы! Неспособен я в такие номера.

Коршун. (Усмешка.) Ты, человек, других так в старика не записывай. Себя проверь, не прокис ли ты сам.

Назар. (Ирония.) Благодарю вас за науку.

Коршун. Наука леская, в букваре прочитать можно.

Назар. Что вы пристали ко мне, дядя? Чем я вам харкотнул испортил?

Коршун. А ты меня в старика не пиши! Ты не доктор и не баба! А характер у меня всегда такой... собственный характер.

(Ушел. Является Назар настроен испортившись. Молча занимается картиной. Является Ефим с бутылкой и кружкой.)

Ефим. Не хитите ли к вину, Назар Ефремович? Шипучий квас, на кившипе.

Назар. Без кваса от вас квас.

Ефим. Этот квас сладкий!.. Мускат-леный!

Назар. Эх, до чего бесстыжий у тебя взор.

Ефим. Назар Ефремович, чем доказать вам мою дружбу? Прикажете.

Назар. Палочку бы мне.

Ефим. Ужесту без обиды на вас.

Назар. Постой.

Ефим. Хорошо.

Назар. Чей такой старик тут живет?

Ефим. Не знаю, про какого старика вы говорите.

Назар. Молния такой старик, — бешмет носит.

Ефим. Тот, что птицу по саду гоняет?

Назар. Он.

Ефим. Это очень знаменитый старик.

Назар. Почему же он знаменитый?

Ефим. Фамилия его — Коршун.

Назар. Подумаешь, птица!

НАКАНУНЕ ГОДОВЩИНЫ КРАСНОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Юбилейная библиотека

К XX годовщине Красной Армии и Военно-Морского Флота государственное водное издательство Наркомат обороны СССР выпускает большое количество новых книг.

Юбилейная библиотека открывает работы И. В. Сталина «О трех особенностях Красной Армии».

«Сталин и Красная Армия» — так называется книга К. Е. Ворошилова, описывающая, как неустанно работали товарищи Сталин на фронтах гражданской войны и вдохновлял победы Красной Армии.

К юбилею выходят на печать серия военно-исторических монографий и очерков, посвященных основным этапам гражданской войны. Особая серия посвящена полководцам гражданской войны.

Массовым тиражом изданы две брошюры «Армия Октября» и «20 лет на страже социализма», рассчитанные на широкий круг читателей.

В разделе военно-исторической литературы выйдут книги: «Партия большевиков в годы гражданской войны» (1918—1922 г.) и «Ворошиловград — Сталинград». Издательство выпускает также массовыми тиражами отдельные сборники: «Красная Армия», «Гражданская война».

Писатели

в красноармейских частях

КПБВ. (От нашего корреспондента). Правление союза советских писателей Украины систематически посылает бригады поэтов, писателей для проведения тематических литературных вечеров в частях РККА.

По приглашению частей, бригада украинских писателей организовала 4 литературных вечера.

В дни двадцатилетия Рабоче-Крестьянской Красной Армии организуются литературные вечера в казачьих Доме обороны и Доме Красной Армии; на днях бригада писателей выедет в г. Фастов Киевской области.

На этих вечерах писатели прочтут произведения, посвященные славному Красной Армии.

Литературно-драматические передачи

Всесоюзный Радиокomitee с 25 января ежедневно проводит литературно-драматические передачи, посвященные Красной Армии и Военно-Морскому Флоту.

Эти передачи составлены из лучших литературных произведений, отражающих гражданскую войну, историю Красной Армии, Военно-Морского Флота и сегодняшнюю жизнь красноармейцев, краснофлотцев, партизанчиков и летчиков.

В программе оборонных передач вошли отрывки из книги Д. Фурманова «Чапаев», фрагменты из книги А. Фалеева «Последний из удаляе», и А. Толстого «Хлеб».

Особо выделена тема «Защита и строительство Дальнего Востока», в которую входят передачи о доблестных пограничниках Программу этих передач составят фрагменты из книги П. Павленко «На Дальнем Востоке» и С. Ликоского «Партизмы».

Писатель Перец Маршан написал для Радиокomitee монтаж в стихах и прозе «Советские пограничники».

Работники Радиокomitee подготовили монтаж, составленный из стихов и песен. — «Амурская краснознаменная флотия».

Готова литературно-музыкальная передача «Советское казачество». Она представляет собой соединенные литературным концерном стихи и песни о красных казачках.

По фольклорному материалу Радиокomitee составлены передачи — «Красная Армия в народном творчестве» и «Народные сказы о Чапаеве».

Советской авиации и Военно-Морскому Флоту посвящены литературно-музыкальные передачи: «Гордые соколы нашей родины» и «Краснофлотцы».

Намечена передача отрывков из литературного сценария братьев Васильевых — «Ротачевские дни».

Широко используется советская оборонная поэзия. В юбилейные передачи включены поэмы М. Павлова «Таксты и В. Луговой «Комсомолец Уоя», А. Сурков из своих стихов и песен готовят радиомонтаж о Красной Армии.

Театры Союза выступают у микрофона с оборонными драматургическими произведениями.

НИ ОПЕРАТИВНОСТИ, НИ НАСТОЯЧИВОСТИ

К предстоящему двадцатилетию РККА и Военно-Морского Флота Гослитиздат выпускает ряд литературно-художественных произведений, посвященных Красной Армии. В новом художественном издании выпускается книга комиссара Чапаевской дивизии Дм. Фурманова «Чапаев». Сейчас начатая заканчивается, и тираж книги начнет поступать в магазины к 13 февраля.

К этому же числу поступает в продажу выпускаемые в успешном издании стотысячными тиражами известный роман о гражданской войне А. Серафимовича «Железный потоп» и «Расказы» Мате Залка.

К середине февраля будет выпущен тираж книги В. Вишневского «Мы, русский народ». Героическая жизнь наших славных пограничников будет представлена в книге Ю. Лужкова «Пограничники», в которой собраны очерки и рассказы о героических буднях дальневосточных пограничников. Тираж в 10 тысяч экземпляров вышел из печати и в ближайшие дни будет слан Котгуру.

По readiness поэзии Гослитиздат выпускает сборники стихов и песен, посвященные Красной Армии, под названием «Нелюбимая» и сборник красноармейских песен О. Колычева «Путь в ленту» Оа сборника готовы к печати обеспечены бумагой и будут выпущены в срок.

Кроме этого, Гослитиздат в полдвор бойд Красной Армии выпустил массовым стотысячным тиражом известный исторический роман Э. Воля «Разгром».

«К. Е. Ворошилов» — работа скульптора В. В. Козлова

Московский скульптурно-производственный комбинат готовит ряд новых скульптур к 20-летию Красной Армии и Военно-Морского Флота. Особенно выделяется двухметровая скульптура первого маршала Советского Союза нарком обороны товарища К. Е. Ворошилова. Нарком в бронзе, в руках, чуть поднявшись вперед, пристально глядя вперед.

Скульптуру эту выполнит В. В. Козлов. Рядом — скульптура работы Шильникова «Герой гражданской войны Пархоменко».

К 20-й годовщине РККА и Военно-Морского Флота эти скульптуры будут размощены в гипсе, цементе, мраморе, металле и поступят в магазины для продажи.

*

К 20-й годовщине РККА скульптурно-производственный комбинат Всеюхоудожкиа выпустила фигуры и бюсты В. И. Ленина, И. В. Сталина, В. М. Молотова, А. И. Микояна, Г. К. Орджоникидзе, С. М. Кирова — работы скульпторов С. Д. Меркурова, Г. В. Нерода. Размеры фигур и бюстов — до 3 метров.

Выпускаются также тематические скульптурные композиции (размером до 2,5 метра), посвященные нашим пограничникам, летчикам, красным партизанам, парашютистам, юным авиамоделестам. Эти вещи исполнены скульпторами А. В. Грубе, В. А. Андреевым, П. А. Валандиным, Е. М. Луюз.

Всеармейская выставка

К 20-летию Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота в Центральном Доме Красной Армии им. М. В. Фрунзе откроется всеармейская выставка произведений красноармейских художников. Их картины и рисунки прибудут в Москву со всех концов Советского Союза. Дейтельно готовится к выставке изостудия им. Грекова, в которой занимаются художники-самочка бойцы Особой Краснознаменной кавалерийской дивизии им. Сталина.

К юбилейной дате откроется также выставка плаката эпохи гражданской войны. На выставке будет собрано около 100 плакатов. Среди них плакаты работы Моора, Дени, Черемных, Маяковского.

Альбом «Красная Армия»

К 20-й годовщине Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота в Изюгие выйдет большой художественный альбом «Красная Армия», включающий 1000 художественных фотоиллюстраций.

Альбом состоит из 8 глав: «Основоположники, организаторы и руководители Рабоче-Крестьянской Красной Армии»; «Что защищает Рабоче-Крестьянская Красная Армия»; «Призыв»; «Я, сын трудового народа»; «Готов к защите социалистической родины»; «В час наступления»; «К бой готов»; «Страна Советов на чеку».

Иллюстрации в альбоме выполнены фоторепортажами: Я. Халип, В. Шаховским, Д. Шудильным и другими. Оформление альбома — А. Радченко и В. Степановой.

Юбилейные журналы

Страна готовится к одному из самых знаменательных своих юбилеев — к двадцатилетию Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Появится интерес, с каким широчайшие читательские круги ждут новых художественных произведений, посвященных двадцатилетию Красной Армии, ее героическому прошлому и великому настоящему.

Что же обещают читателю юбилейные номера ведущих литературно-художественных журналов?

Обратимся к содержанию отдельных журналов. Начнем с журнала «Знамя», с которого читатель вправе в данном случае особенно много спросить.

Редакция «Знамени» старалась по возможности равномерно отразить отдельные исторические периоды Красной Армии — гражданскую войну, восстановительный период и первый период реконструкции и, наконец, сегодняшний день Красной Армии. Этому хронологическому порядку даже подчинено расположение материала. Период гражданской войны нашел отражение в «Луганской повести» Мих. Матушевского и Коуст. Симонова. Эти два молодых поэта, впервые дебютирующие в прозе, были командированы редакцией «Знамени» на фронт тов. К. Е. Ворошилова в качестве слушателей им местных писателей. Результатом изучения ими местных преданий является «Луганская повесть», представляющая литературный монтаж 12 новелл с историческими документами, в том числе не опубликованными до сих пор приказами Ворошилова.

Далее в номере заслуживают внимания рассказы Леонида Соболева «Вход в гавань», Н. Паустовского «Поволжье». Печатаются также «Рассказы об Испании» Андрея Мальро — отрывки из его последнего романа.

В поэтическом разделе журнала — поэмные стихи Судейкина Стаевского «Борщолан», поэма Евг. Долматовского «Феликс Дзержинский».

Художественный отдел февральского номера «Красной Армии» открывается пьесой В. Кадяева «Я, сын трудового народа». В поэтическом разделе — два стихотворения Джембула «На родине Сталина» и «Песня про батара Чапаев», стихи М. Исаковского, В. Саянова, С. Шиничева, И. Френкеля.

В «Октябре» печатается биографический очерк М. В. Фрунзе А. Фалеева, продолжение романа С. Сяряненко «Дорога на Киев», стихи Павла Тачины и Джембула.

Литературные портреты и очерки о маршалах и героях Красной Армии занимают центральное место в февральской книге «Новое мир». Авторами в этом разделе выступают К. Паустовский, Л. Никулин, Н. Кружков, Арк. Первенцев.

Кроме того в книге печатаются окончание повести «Хлеб» Алексея Толстого, продолжение «Такого Дона» М. А. Шолохова, рассказы В. Лавренева «Встрет с Невы», рассказы С. Ликоского «Сита-Мару» — о мексиканском пограничнике Дальнего Востока. Большой раздел посвящен фольклору о гражданской войне и волях революции — Ленин и Сталине. Здесь же печатается поэма Джембула «Вооруженный народ».

Оборонные киносценарии

Главное управление кинематографии сейчас сосредоточивает особое внимание на сценках оборонных киносценариев, посвященных истории Красной Армии и Флота.

Украинфильм приступил к режиссерской разработке литературного сценария «Всадники», сделанного по роману писателя Ю. Яновского.

Приезд украинской кинофабрики сценарий Л. Линкова «Сталинская вахта» — о пограничных моряках.

В киностудии Ленфильм уже находится в производстве картина «На границе». Режиссер А. Иванов ставит этот фильм, рассказывающий о наших пограничниках на Востоке. Сценарий сделан по мотивам одноименного романа писателя П. Павленко «На Востоке».

Готова режиссерская разработка сценария «Ноябрь» Н. Подольная. Заслуженный деятель искусств режиссер С. Ютченя скоро приступит к съемкам этого фильма, отображающего великие октябрьские события в архониях Красной Армии. Ставит картину Ленфильм.

В Мосфильме идет работа над литературной и режиссерской разработкой сценария писателя В. Вишневского «Мы, русский народ». Режиссер — Е. Дитяев.

Заканчиваются подготовки к съемкам картины «Золотой зал». Режиссер — Е. Арон сценарий — В. Лавтова.

А. Первенцев и Л. Рунинштейн закончили сценарий картин «Кочубей» и «Тропа самурая».

Сценарист М. Кюорре слал сценарий «Самолет» (арождение красной авиации).

«ЩЕДРИНСКИЙ СЛОВАРЬ»

Много лет назад, в одиночной камере парской тюрьмы, М. С. Ольминский начал свою работу над составлением щедринского словаря, чтобы «уяснить политическую физиономию Щедрина».

Оригинально и своеобразно задуманная работа была выполнена т. Ольминским с исключительной тщательностью. Но при жизни автора труд его не был напечатан. Только теперь Гослитиздат выпустил в свет «Щедринский словарь» М. С. Ольминского.

Словарь этот является полезнейшим пособием при изучении творчества Щедрина, он облегчает ориентировку, помогает находить нужные образы, определения, понятия, имена, помогает понять основное мировоззрение великого сатирика.

Словарь издан тиражом в 8 тысяч экземпляров. Цена — 10 рублей.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ГЮИ ДЕ МОПАССАНА

Гослитиздат приступил к изданию полного собрания сочинений Гюи де Мопассана. Издание рассчитано на 13 томов, которые будут выпущены в 1938—39 годах.

Выпускаемое собрание сочинений включает в себя все опубликованное литературное наследие Мопассана и будет значительно более полным, чем существующие французские полные издания Оллендорфа и Конара.

На русском языке впервые будет опубликована ранняя поэзия Мопассана и его эпическая драма «Изомея графиня де Рён», изданная во Франции лишь в 1927 году. В XIII томе впервые публикуются письма Мопассана последнего периода его жизни и в частности письма к русским адресатам — М. М. Стасюлевичу и другим.

Подготавливаемое издание будет существенно отличаться от французских изданий. Это вымещается многими причинами. Основная заключается в том, что французские издатели после смерти Мопассана варварски обращались с его произведениями. В издании Оллендорфа, например, совершенно исчез сборник новелл «Коробейники», но зато возникли никогда не выпускавшиеся сборники под названием «Пшеница». В некоторых французских изданиях сборники новелл «дополняются» мертвыми произведениями, новеллами других писателей и разного художественного качества.

Редакция Гослитиздата детально выяснила состав сборников новелл Мопассана в изданиях при жизни писателя и строго исходит из хронологически-последовательного размещения произведений. Только в X томе будут соединены вместе три книги путевых заметок Мопассана разных лет.

Большинство произведений Мопассана заново переведено с французского, причем редакция преследовала цель добиться не только точного и полного перевода, но и сохранить стиль Мопассана, помочь советскому читателю понять, за что так любил Мопассана русские классики Л. Толстой, А. Чехов, М. Горький, почему И. С. Тургенев указывал, что Мопассана нужно переводить «вслепло», что его новеллы «стойким пером Флобера».

В отличие от всех существующих у нас и в Западе изданий произведений Мопассана, настоящее издание будет первым изданием, состоящим из полных собрания сочинений.

В комментариях, помимо объяснений всяких тематических намеков и малоизвестных особенностей имен, приводятся длинные о творческой истории каждого произведения, о псевдонимах Мопассана, об его отношении с Тургеневым, Флобером, Гюкмором, Золя.

Всего томов издания уже сланы в производство. Подготовлены в печати остальные пять томов будет закончена осенью текущего года.

Одновременно Гослитиздат ведет переговоры с наиболее крупными библиотеками Запада о роспусках многочисленных забытых произведений Мопассана, в частности его «хроник» и газетных очерков.

Если эти материалы будут обнаружены и собраны к началу будущего года, то весьма вероятно, что они будут изданы дополнительными томами.

ОДНОТОМНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

Ленгослитиздат выпустил вторым изданием одностомник произведений А. С. Пушкина.

В одностомнике наиболее полно представлены стихотворные произведения. В отличие от первого издания, в книгу включены и лирические стихи, авторские варианты Пушкина в зрелом возрасте, но представляющие большой интерес для изучения истоков пушкинской лирики.

Отдел исторических, критических и публицистических статей представляет собой некоторую роль антологиче. В этот отдел включены все жанры так называемой «слепой прозы», в котором обращался великий поэт: от большого исторического труда — до журнальной компиляции.

В одностомнике также включены избранные письма поэта. Одностомник выпущен тиражом в 30 тысяч экземпляров. Цена 16 р. 50 коп.

Книжная хроника

В ГОСЛИТИЗДАТЕ ВЫШЛИ КНИГИ:

● «Избранные стихи» Некрасова Тираж 75 тыс. экз. Цена 2 р. 25 коп.

● «Избранные сочинения» Шолом-Алейхема Тираж 10 тыс. экз. Цена 4 руб.

● «Железный потоп» А. Серафимовича. Тираж 100 тыс. экз. Цена 1 р. 75 коп.

● «Песни и поэмы» народного певца Джембула. Тираж 10 тыс. экз. Цена 5 р. 50 коп.

● «Полное собрание сочинений» А. Курицына. (Том II) Тираж 10 тыс. экз. Цена 5 руб.

● «Разгром» роман Э. Золя. Тираж 100 тыс. экз. Цена 3 р. 75 коп.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» ВЫШЛИ КНИГИ:

● «Стихотворения», — сборник стихов С. Михалкова. Тираж 10 тыс. экз. Цена 3 р. 50 коп.

● «Я был автором» — повесть К. Федина. Тираж 20 тыс. экз. Цена 4 руб.

● «Сказание о Ленине» М. Кржижской. Тираж 10 тыс. экз. Цена 8 р. 25 коп.

Скульптурно-самоучка тов. Г. А. Петина заканчивает скульптуру В. И. Ленина. Скульптура предназначена для Оренбургского городского парка культуры. Тов. Г. А. Петина работает как скульптор один год. До этого он работал архитектором Оренбургской городской строительной конторы. На снимке: тов. Г. А. Петина за работой над скульптурой В. И. Ленина

Скульптурно-самоучка тов. Г. А. Петина заканчивает скульптуру В. И. Ленина. Скульптура предназначена для Оренбургского городского парка культуры. Тов. Г. А. Петина работает как скульптор один год. До этого он работал архитектором Оренбургской городской строительной конторы. На снимке: тов. Г. А. Петина за работой над скульптурой В. И. Ленина

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Прошу поместить в вашей газете следующее:

«Мы будем зорко следить, чтобы ничто ложное, фальшивое или прямо враждебное советскому народу не могло проникнуть на нашу страну, как это было в ряде наших спектаклей («Бойня на квартире», «Авангард», «Далеком», «Трус», «Большой день»)».

Так пишут вахтанговцы в заметке «Политический урок» («Сов. искусство» от 10/1 1938 г.).

Авторы этой резолюции сделали все возможное для того, чтобы не дать прямого ответа на вопрос: выносите ли театр только в выборе пьес, или некоторые из этих спектаклей коронны по вине режиссеров.

«Трус» — моя пьеса, написанная три года назад. Сейчас не время и не место спорить о ней по существу. Я не собираюсь защищать ее недостатки. Но попытка театра поместить «Труса» между «Далеком» и «Большим днем» контрреволюционеру Кирпичова требует ответа.

«Трус» был поставлен вахтанговцами после того, как пьеса прошла уже в Москве и ряде городов, получила, в основном, положительную оценку прессы. Режиссура театрал им Вахтангова поверила пьесу переработке и дала неверную трактовку ряду образов. Я обращался к быш. руководству РКК (Керженцеву и Болорскому) с просьбой прочесть пьесу и учесть мои возражения. В этом мне было отказано. Керженцев ограничился нотацией по адресу автора и стал на защиту театра.

Далее афингоновский журналистик «Театр и драматургия» печатает погромную рецензию, злоупотребляя перерезками и обвинениями во всем автору. Проект пьесы с протестом секция драматургов СССР, подписанный Вс. Вишневским, клается под руку тогдашним председателем секции — Кирпичовым.

Считаю спектакль «Трус» неверно звучащим, что усугубилось его распухшей разбальцованностью, я обратился в ГУРК с мотивированным письменным требованием о снятии спектакля. «Трус» был снят в театре им. Вахтангова, но продолжает идти в других театрах Москвы и периферии.

«Трус» можно критиковать, спорить, бранить. Но это надо делать прямо и принципиально, не замазывая собственных ошибок и не стараясь обиняками поставить автора «Труса» в один ряд с Кирпичовым и Афингоновым, который столь неловко руководит театром окружая своим вниманием.

А. КРОН.

Памяти И. О. Рубина

Большого и искреннего друга потеряли в лице заведующего лечебным отделом Литфонда Ильи Осиповича Рубина советские писатели и их дети. Нам, жемая писателей, особенно чувствительна я потеря. Невозможно забыть того теплого участия, того глубокого внимания, о каком относился покойный к бесчисленным и разнообразным болезням писателей и их детей, с какой готовностью он шел вперед, на помощь и делал все от него зависевшее, чтобы облегчить положение больного писателя и его семьи.

Много сил уделял Илья Осипович вопросам организации детских колоний, детских садов и домов отдыха, близко принимая к сердцу мельчайшие организационные неполадки или несчастные случаи.

Горько терять такого сердечного, отзывчивого и чуждого человека.

Илья Осипович умер внезапно, умер на своем посту.

Совет жем писателей ставит своей задачей совместно с писательской общественностью и дирекцией Литфонда позаботиться об обеспечении детей Ильи Осиповича Рубина.

Т. Иванова, Е. Санникова, Э. Финк, В. Остроумова, Э. Субботина, Э. Шугаева, М. Новикова-Прибыль, С. Гроссман, Р. Анисимова, М. Розынова-Марцишевская, П. Арго, А. Нейштадт, С. Вафа, М. Грифцова.

О ЗАМЕТКЕ «В ЛИТФОНДЕ»

Считаю необходимым исправить некоторые опечатки, допущенные в заметке «В Литфонде», напечатанной в № 5 «Литературной газеты».

Именованно, тт. Равич, Иркутов, Олоев-Тришин, Бобович, Чурилин, Бек, Берестинский, Немло, так как эти ребята и работают в литературе, и их никак нельзя смешивать с такими индями, как т. Солодковский, который никогда к писательству никакого отношения не имел.

Каждый писатель имеет право на свободу творчества и гарантию. Следовательно, деньги, полученные тт. Бек, Олоев-Тришин, Чурилин, Иркутовым, нельзя называть «подарком». Литфонд по прямому своему назначению оказывает медицинскую помощь больным писателям. Ленинский за счет Литфонда тт. Равич, Стырская, Берестинский, Бобович, Чурилин, и совершенно естественно, что лечебная помощь членам Литфонда является прямой его обязанностью. Следовательно, нельзя суммировать, потраченные на лечение, смешивать с денежными субсидиями. И эти деньги, помещенные в таком виде заметку, безусловно совершили ошибку.

Надо отметить, что документы, представленные нам Литфондом, смешивают все виды помощи в одну кучу и не дают представления об истинном положении вещей.

Однако вышеупомянутая заметка ставит важнейшие вопросы о случайности литературы, приваков, об их устойчивости, перспективности и полном исчезновении. Тов. Бобович стоит писательской организации в год примерно столько же, сколько стоит государству средняя заводская инженер по своей зарплате, но инженер получает деньги за свою работу, а за что их получает т. Бобович?

Ложное положение многих литераторов заключается в неперспективности их литературных успехов. Тов. Бобович нам пишет о сборнике «Навсегда» и после этого он замолчал. Тов. Бобович писал к 20-й годовщине пьесе «Навсегда», которую так и не написал. Тов. Стырская в более чем странном письме в редакцию договорилась до вещей совершенно безобразных и лично несусветной. Оно и понятно. Заметка, как ни плохо и ошибочно она составлена, прямо говорит о писательстве Стырской. По ее же словам, за последние 3—4 года ей написаны пьесы «1001 ночь» (испещенровка), «Вечер комедий по Мопассану», «Ангел» и «Сильный человек» — комедия.

Всем известно, что у писательницы Стырской много договоров. Имеются договоры с МХАТ им. Горького, с Камерным театром, с Московским театром оперетты, с Харьковским театром русской драмы, с Литфондом, с издательством «Искусство». Договоры регистрируются, авансируются — оплачиваются, но живых пьес, поставленных на сцене, нет. И это печально.

Тов. Стырская пишет: «Во Всесоюзном комитете по делам искусств представлено расширенное либретто пьесы для детских театров. В Мосгоркино — либретто-обозрение». Зачем представлено либретто? Конечно, для подписания договоров. Универсальным огромным от Шехерезады до обмана, но мы бы хотя бы увидели, что-нибудь очень скромное и простое на нашей сцене или в кинематографе, принадлежало перу т. Стырской. Иначе создается впечатление, что вся литературная деятельность т. Стырской увенчивается договорами. Но вместо того чтобы серьезно задуматься над своей литературной судьбой, Стырская позволяет себе писать письма, содержащие неладную клевету на советскую печать.

Тов. Равич, так же как и т. Стырская, работает в области драматургии, и группком драматургов нам пишет, что «ряд его книг ставился на сценах московских и периферийных театров. Некоторые идут до сих пор». Совершенно правильно. Драматургия у нас дает высшее обеспечение писателю. Однако тов. Равич получает путевки за счет Литфонда и самого группкома (в виде премии за драматургическую и общественную деятельность) и доходит до того, что проезд в санаторий и обратно берет опять-таки за счет государства. Если у драматурга нет денег на ж.д. билет, то какой же это драматург? Либо тут безвзвешенное rivalry где угодно, но как угодно, либо беде.

Таким образом, поставленные в вышеупомянутой заметке, требуют серьезного внимания руководства Союза писателей.

Правление Литературного фонда всячески пытается бороться с неясностями в вопросах материальной помощи писателям. Оно, как известно, разработало положение, упорядочивающее формы этой помощи, но положение это на месяц в месяц «расматривается» союзом писателей, оставаясь нерассмотренным и неутвержденным.

Но главная беда заключается в том, что немало людей, имеющих весьма условное отношение к литературе, так или иначе устрояются за счет государства, и союз им дает к этому все формальные права.

Заметим неосомненно, что союз писателей несет большую ответственность за все эти неформальности. Литературная элита еще не раз вернется к обсуждению этих вопросов, но очень важных вопросов.

ПОЭТЫ У ЖУРНАЛИСТОВ

Бире секции поэтов союза советских писателей и Дом печати организовали вечер советской поэзии. Тот вечер собрал большую аудиторию работников центрального и фабрично-заводской печати.

На вечере председательствовал В. Лебедев-Кумач. Поэты А. Сурков, М. Снетков, В. Кавин, И. Уткин, П. Антоколовский и В. Лебедев-Кумач прочитали свои стихи, посвященные Красной Армии и социалистическому строительству.